

Сергей Молодцов

**...Всего
один
шаг...**

*Казань
2013*

**Сергей Молодцов
ВСЕГО ОДИН ШАГ...**

ББК - 84 (Крым. – рус.)
М 262

Сергей Молодцов. «Всего один шаг...».
«КГЛито «Лира Боспора» 116 стр. 2013 г.

Редактор А. Н. Вдовенко
Вёрстка, корректор: Т. В. Левченко
Дизайн – автор.
Обложка: Сергей Молодцов (мл.)

Вторая книга Сергея Молодцова «Всего один шаг»

раскрывает перед читателем сложности психологической драмы, столь знакомой многим в повседневной жизни. Тем не менее, автор стремится разобраться в причинах этого конфликта, лейтмотивом звучащего во всех трёх частях, трёх рассказах книги - «От любви до ненависти – всего один шаг», и призывает читателя задуматься над этой проблемой.

ISBN 978-075-482-734-4

© «КГЛито «Лира Боспора» – макет 2013 г.
© Молодцов С. В. – текст, дизайн 2013 г.

Сергей Молодцов

**ВСЕГО
ОДИН
ШАГ...**

Керчь
2013

Сергей Молодцов

Родился 22.12.1954 г. в п. Усть-Абакан, Хакасской автономной области. Окончил Абаканское медицинское училище (фельдшер) и Кемеровский институт культуры (режиссёр). Служил в Советской Армии. Работал режиссёром ТЮЗа, худруком ДК, на педагогической работе. Награждён орденом Красной Звезды, медалями. Член литобъединения «Лира Боспора», пишет стихи и юмористические рассказы. Публиковался в периодической печати, сборнике поэзии «Прост-ранство любви» («Таврия», Симферополь), в альманахах: «Истоки» (Москва), «Амурские просторы» (Хабаровск), «Поэтическая карта Крыма» (Симферополь), «Лира Боспора» (Керчь), «Золотая Лира» (Керчь), «Крылатая душа» (Керчь). Автор книги «Его звали Док» (Керчь, 2012 г.)

ОБОРОТЫ...

Повороты судеб... Повороты в человеческих взаимоотношениях близких. Обороты слепой, всепоглощающей любви к такой безмерной, по разрушительным способностям, ненависти. От нелепого, всепоглощающего обожания - к столь же дикой, в нелепости и безмерности своей, мести. Женской мести. Самой коварной и изощрённой. Ибо как раскрывает автор,

«...любовь (выстраданная... последняя...) опьяняет женщину, с головой затягивая в свой бездонный водоворот. Делает её глухой и слепой ко всему окружающему, что не имеет отношения к предмету её страсти. И Боже упаси появиться каким-либо преградам на пути этого урагана! Сметёт! Развеет в пыль!»

Можно не соглашаться, спорить, что «сколько людей, - столько судеб»... Но автор обращает внимание вдумчивого читателя на эту, страшную по сути своей, сторону человеческих отношений. Рассматривая случаи, когда течением обстоятельств, чувства светлые и тёплые оборачиваются нетерпимостью; причинённые моральные страдания обращают в пепел и прах любовь и нежность...

Обороты, обороты, обороты... Как много их в этой новой книге Сергея Молодцова. Опытный читатель может сказать, конечно, - Ну вот, снова эти, набившие оскомину обывательские истории на тему «Ты меня так любил, да разлюбил, ах, какой подлец и негодяй!» Сколько их было, сколько ещё будет?!

Всё так и... не так... Кто и когда задумывался над тем, какие колоссальные потери для общества несут в себе эти «простые истории», столь частые в повсе-

дневной жизни. Сколько за ними разбитых человеческих судеб, бесцельно прожитых лет, безвозвратно потерянного имущества?!

Не пора ли учить наших детей и внуков искусству прощать. Ведь как говорили древние - «Искусство прощать - самое великое в мире искусство». И такую же мудрость несёт нам тибетская поговорка: «Тот, кто взрастил в своём сердце ядовитый цветок мести, уже никогда не будет счастлив, даже если его враг будет повержен».

И автор через судьбы своих героинь - и Елены из рассказа «Всего один шаг», и Ольги из рассказа «Последняя любовь», и Лии - «Танец амазонки», - совершив, как им кажется, святую месть, остаются глубоко несчастными. Задумайтесь об этом, читатели, а особенно - читательницы.

Желаю вам счастья, а новой книге - доброго пути.

*Татьяна Левченко
член Межнационального
союза писателей Крыма,
Союза русских писателей
Восточного Крыма,
Крымской ассоциации писателей*

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ (от автора)

Как обратная сторона луны скрыта от нас во мраке неизвестности, так и ненависть, порождённая любовью, скрывается под мрачным покровом свои тайные, порою, ужасные замыслы...

Что такое «ненависть»? Что мы о ней знаем? Знаем, что это чувство, не более. Давайте попробуем понять, что же это за чувство, но не углубляясь в область психологии и психоаналитики, поскольку с нашими поверхностными познаниями мы утонем там. Посмотрим на всё просто. Глазами обыкновенного человека, не отягощённого научными исследованиями в области человеческой психики.

Что же представляет из себя ненависть? Почему она возникает и куда исчезает? Бывает ли не проходящей, постоянно гложущей и не дающей покоя?

Мы знаем, что любовь и ненависть – близнецы со знаками «плюс» и «минус». Как любовь может носить различный характер, так и ненависть. Мы говорим: «люблю поспать», «люблю гулять при луне», «люблю поэзию» и так далее. То же самое относится и к чувству ненависти. Как часто мы произносим: «ненавижу слякоть», «ненавижу беспорядок» и тому подобное.

Это одно из проявлений чувства ненависти. Скажем так, не очень глубокое, так как в любой момент знак «минус» может поменяться на «плюс». И то, что вы когда-то ненавидели, может полюбить вас: полюбите ливень, слякоть, творческий хаос на столе и т.д. Или, по крайней мере, может наступить простое безразличие к тому, что вы недавно яростно ненавидели.

Ещё одно из проявлений этого чувства – ненависть к тому, что (или кто) влияет или пыгается повлиять на ваш жизненный уклад, ваше благополучие. Это: ненависть к конкретному лицу; к определённом событию. Вы ненавидите: самодура-начальника; дебошира соседа; наконец, перма-

нентно пьяного члена семьи или наркотики, как явление, на которые подсел кто-то из близких.

Данная форма ненависти уже более определённая и конкретизирована. Но и она может сойти на нет если исчезнет причина её возникновения. Сосед намотал себе срок за хулиганство; директор ушёл на пенсию... Всё. Причины вашей ненависти нет. И она уходит.

И, наконец, самая тяжёлая, самая страшная по своей сути и глубине – ненависть, порождённая любовью. Это касается только личных отношений. Не зря же существует поговорка: «От любви до ненависти один шаг».

Как часто мы сталкиваемся в жизни со случаями, когда близкие, родные люди превращаются во врагов: дети ненавидят родителей, родители – детей; сёстры – братьев и наоборот... Варианты бесконечны, но они существуют. И всё-таки, здесь ещё не совсем потеряна надежда обратить этот противоестественный «минус» в «плюс».

Но вот любовь между мужчиной и женщиной, если превращается в ненависть – становится глубоко сидящей, неискоренимой, сжигающей дотла...

Главная и единственная причина такой ненависти – **предательство**. Не из воздуха родилась поговорка: «Нет ничего страшнее, чем, брошенная ради другой, женщина».

Мужчины, в этом плане, бывают не лучше. Простой исторический пример: несчастная Анна Болейн лишилась головы по причине необоснованной ревности...

Но всё же, женщины более чувствительны и эмоциональны – это их логика. Они живут чувствами. А оценка тяжести предательства зависит и от глубины её чувств, и от характера. Одни спрячут боль в тайниках души и будут жить с саднящей раной, пока не решатся вырвать её с корнем; другие – воспламят справедливым чувством мести, которую (опять же, в зависимости от характера) или выпалят залпом без всякой подготовки, или – с холодной головой приготовят, трезво и тонко всё рассчитав, изящное блюдо **«МЕСТЬ»**, сделав один точный выстрел – наповал...

Сколько мы уже знаем таких случаев из прессы и криминальной хроники телевидения: здесь: и серная кислота; и различные колюще-рубящие предметы в ходу; и огнестрельное оружие; и яды... Особым цинизмом выделяется, ставший модным – наём киллера и участвовавшие случаи «заказов». И что самое страшное во всём этом, что весь криминал – это дело рук женщин: любящих жён и матерей семейства... Какова же должна быть сила этой ненависти, если человек даже не задумывается ни о своей дальнейшей судьбе, ни о судьбе детей... (Пример: одна из передач программы «Пусть говорят» на ОРТ).

На эту тему можно долго вести дискуссию. Суть останется неизменной: ненависть ненависти – рознь. Но, порождённая настоящей любовью и предательством, ненависть камнем ложится на душу и становится ведущей силой для мести, или толчком для развития иных тяжёлых последствий. Сама месть, не всегда может быть криминального характера, что несколько не умаляет её силы...

Эта книга – о ненависти, вызванной предательством, и последствиях, к каким она может привести. Она призывает задуматься об этом...

Женщинам

*внучка Марина
семьи*

Таня

Марина

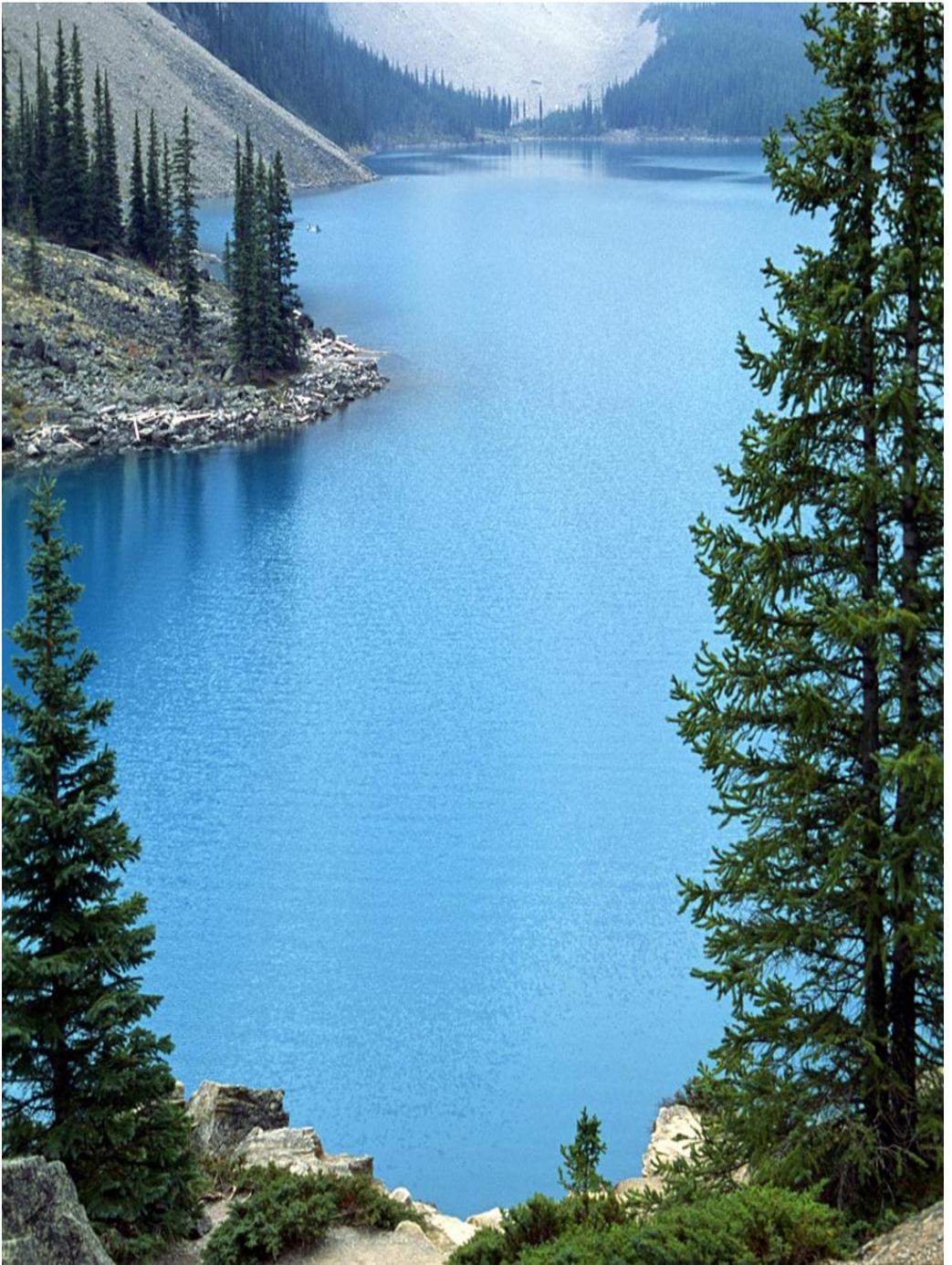
моей

Наташа

Посвящается

*Да минует вас чаша сия...
(поэти по Евангелию)*

ЧАСТЬ 1

...Мне позвонил мой старый товарищ, бывший оперативник, а ныне директор успешного частного сыскного агентства. Зная о моём увлечении – собирать различные захватывающие истории, он иногда подбрасывал мне таковые. Единственным его условием было: не «светить» настоящие имена, географию и хронологию события, дабы не навредить ни клиентам, ни ему. Да мне, по сути, это было и не нужно и не важно. Значение имел только сам сюжет, канва событий и люди.

«Привет, Саша! – услышал я в трубке, – «Хочешь, сногсшибательную историю подкину?»»

«Привет, Коля!» – ответил я, – «Давно не проявлялся! А по поводу историй – сам знаешь: хлебом не корми! И в чём суть, вкратце?»

«Да понимаешь, завершил я нынче одно расследование по наследству, вот долго и пропал – по европам мотался. Дело – я тебе скажу!»

«Ну, так давай, я подскочу, когда скажешь», – перебил я, – «или у меня посидим?»

«Не выйдет, Саня», – сожалеюще вздохнул Николай, – «Я тут ещё по этому делу «хвосты» подчищаю, а завтра днём уже по другому делу улетаю на неизвестное время. Но есть вариант: завтра в пригороде в 10 часов, открытие нового здания детского дома, и я туда должен подскочить ненадолго. Подъезжай и ты. Свою машину не бери, назад поедешь со мной, по дороге всё и расскажу».

«А как это вяжется», – спросил я, – «ты и детдом?»

«Вот на месте всё и узнаешь!»

Николай продиктовал адрес и я, заинтригованный, твёрдо решил ехать. Зря Коля не дернет!

По профессии я кинорежиссёр. Всяческие неординарные истории и их персонажи являются хорошим подспорьем в моей работе. Довольно часто, прочитав сценарий очередного

сериала, я предлагаю сценаристу добавить тот или иной эпизод из моего багажа реальных событий. А характеры и поступки людей? Ведь это богатейший материал! В общем, вопрос: ехать – не ехать, передо мной не стоял.

...Само открытие проходило скромно, без обычного в таких случаях ажиотажа. Да что там говорить? Детдом – не торговый центр или новый рынок! С короткой речью выступили: представитель мэрии, какая-то дама из ГорОНО и директор детдома. Всё шло по штампу. Но был один нюанс: все они благодарили воспитателя этого же детдома – молодую, симпатичную девушку, стоявшую вместе с ними. Она тоже сказала короткую речь с благодарностью властям и строителям и упомянула имя своей матери, на деньги которой и осуществилось строительство нового здания.

Процедура открытия завершилась. Я стоял и соображал: не очередной ли это розыгрыш со стороны моего приятеля, на которые он был горазд. Но тут он сам окликнул меня, вылезая из подъехавшей машины: «Извини, Саня, «пробки» задолбали вконец! Ты, кстати, обратил внимание на воспитательницу?»

«Да есть кое-какие странности», – пожал я плечами, – «Простая воспитатель при маме-мecenате. Денег на жизнь не хватает что ли?»

«Ты пока подожди меня в машине, потом всё расскажу!» – сказал приятель и направился к крыльцу. Подойдя, он поздоровался с присутствующими, отвёл девушку-воспитателя в сторону и о чём-то коротко переговорил. Затем, кивнув всем на прощание, пошёл к машине.

По дороге в аэропорт он и поведал мне эту непростую историю.

Родная тётка матери воспитательницы, обратилась в его агентство с просьбой уточнить некоторые нюансы в деле по наследству её племянницы. Вернее, части наследства, касающегося денег, предназначенных для детского дома на целевое строительство. Тяжба шла уже несколько лет и, проиграв суды, как в Европе, так и у нас, тётка обратилась к детективу, в надежде отыскать любую лазейку, чтобы оспорить очередное решение суда.

«Я начал копать», – сказал Николай. – «Оказалось, что умершая племянница была воспитанницей этого детдома. В те времена тётка её и знать не желала. Потом девушка удачно вышла замуж за сына известного финансиста, и тётя воспылала к ней «родственной любовью». Но

получила от ворот поворот и отстала. А племянница, овдовев, уехала с дочерью в Европу, продав все свои активы. Жила там тихо-мирно, затем – сердечная недостаточность, и всё. После её смерти тётя и ринулась в бой, в надежде урвать свою часть пирога. Обломилось. И неоднократно. Тут ей кто-то указал на меня, и она ухватилась, как за последнюю соломинку».

Николай замолчал, прикуривая, затем продолжил: «Мне ставилась задача: детально ознакомиться с жизнью племянницы и её дочери за бугром. Покопаться в «грязном белье». Глядишь, мол, что и всплывёт, и можно будет ещё раз попытаться оспорить завещание. Я, Саня, как всегда, добросовестно взялся за дело, хотя особых перспектив и не видел. В конце концов, оказался прав – никаких юридических зацепок, о чём и уведомил клиентку. Но какая трагедия, Саня, произошла!»

И Николай, помолчав немного, изложил мне эту историю. Я был потрясён.

Несколько дней я жил этой историей и, пораскинув мозгами, решил доверить её бумаге, как всегда, поменяв имена, географию и хронологию событий. Вот она.

ВСЕГО ОДИН ШАГ...

ШВЕЙЦАРИЯ, ГОРОД N, КЛИНИКА

...Елена посмотрела на часы. До встречи с нотариусом и адвокатом оставался час с небольшим. Откинувшись на подушку, она закрыла глаза и погрузилась в поток воспоминаний. Время унесло её на четверть века назад, в тот высокогорный небольшой пансионат, расположенный на берегу глубоководного озера с кристально чистой водой, который давно стал её домом...

...А начиналось всё просто. Лена и Виктор решили провести медовый месяц не на экзотических пляжах, переполненных в ту пору (да и по сей день) внезапно разбогатевшими соотечественниками, а в тихом, уютном пансионате в швейцарских Альпах.

Место было прекрасное. Небольшое по площади, но ужасающее по глубине озеро, на берегу которого расположился пансионат, со всех сторон окружали горы. Сосняк чередовался с лиственными деревьями, и воздух был насыщен лесным ароматом с легкой примесью чудесных трав высокогорных альпийских лугов.

Небо поражало своей синевой, а тишина – умиротворяла. Кругом царил покой. Медленно скользя на небольшой лодке по идеальной глади озера, Лена, опустив руку в воду, спросила: «Витя, неужели оно и вправду очень глубокое?»

«Такие озёра называют бездонными», – ответил Виктор, – «В одном месте дно может быть на глубине нескольких метров, а неподалеку – в нескольких десятках, а зачастую и сотнях метров. Это горы, Ленок».

«Что-то типа нашего Байкала?»

«И Байкала, и Рицы, и Севана, не говоря уже о небольших озёрах Памира, Алтая и Саян», – сказал Виктор, – «Да и на старичке-Урале подобные есть».

...В последний вечер пребывания в пансионате, прогуливаясь по тропинке вдоль озера, они остановились полюбоваться закатом. В глазах Лены застыли слезинки грусти от расставания с этим волшебным, тихим уголком. Виктор, посмотрев на неё, вдруг сказал: «Не надо слёз, Лен. Обещаю – через пять лет мы вернёмся сюда», – сделав небольшую паузу, добавил твёрдо – «В качестве хозяев».

И он сдержал своё слово. Ровно через пять лет, втайне от жены, приобрёл этот пансионат и вручил ей дарственную в качестве подарка к пятилетию совместной жизни.

...«Господи», – вздохнула Елена, поправляя подушку и поудобней устраиваясь, – «сколько же всего произошло, за те пять, а потом за все последующие годы...»

Вспомнить было о чём: рождение дочери; становление Виктора, как финансиста, в банке отца; дважды пережитые покушения на него, а затем – нелепая гибель в авиакатастрофе, унёсшая жизни Виктора и тестя...

Из детдомовской Золушки, которая никогда и ни перед кем не кичилась заслугами мужа и своей, довольно обеспеченной жизнью, а тихо и скромно вела дом и воспитывала дочь, Лена в одночасье стала единственной наследницей поставленного на прочную основу, банка.

Понимая, что финансист из неё никакой и что рано или поздно, пребывая в роли зицпредседателя, она огребёт кучу проблем, Лена, по совету опытного банковского адвоката, приняла единственное на тот момент правильное решение: продала свой контрольный пакет акций. Деньги были помещены в один из банков Швейцарии, куда Лена вскоре и уехала с дочерью, распродав оставшееся движимое и недвижимое имущество.

Отныне пансионат «VELNA» (названный так по начальным буквам имён некогда счаст-

ливой семьи: V – Виктор, EL – Елена, NA – Надежда) стал для них с дочерью родным домом...

...Внезапный, как удар, приступ боли накрыл Елену с головой. Она с трудом смогла дотянуться до кнопки вызова медсестры и нажать её. Вопреки медсестра ввела ей обезболивающее, привычным движением поправила голову пациентки на подушке и тихо вышла. Наркотик тёплой волной покатился по телу, унося боль, и укутал в мягкий, ласковый кокон... Елена, покачиваясь на этой волне, отдавалась тихому, плавному течению, которое понесло её назад: в такое далёкое и в тоже время близкое прошлое...

РЕТРОСПЕКТИВА – 1

Первое, что сделала Елена по приезду – они с Надей похоронили папу...

...Елене, как и всем родственникам погибших в том злополучном авиарейсе, была выдана урна с символическим прахом – пеплом с места аварии самолёта...

Вот эту-то урну они и опустили в воду, заплыв на лодке на середину озера, ставшего последним пристанищем для их любимого мужа и папы, который отныне и навсегда будет с ними рядом. Пусть – символически, но – рядом...

Дочь... Елена всю себя отдала дочери. Дел она никаких не вела: хватало процентов от основного счёта и текущих доходов от пансионата, которым по-прежнему управлял нанятый когда-то Виктором француз Шарль Дюруа.

Надя обучалась в одном из закрытых пансионатов. Всё вроде бы шло нормально, но к концу обучения, Елена стала замечать за дочерью какую-то неадекватность в поведении. Особо не беспокоясь, она списывала это на наступивший переломный возраст. Ей бы забрать Надю домой, пожить бы вместе, вернуть ту душевную теплоту, что существовала между ними. Она же, следуя европейским традициям и руководствуясь лучшими побуждениями, отправила Надю опять же в закрытый колледж. Через год обучения прибыв на каникулы, Надя в резкой форме заявила матери, что назад она не вернётся и учиться будет где захочет и когда захочет, а «...если кому не нравится — пусть идет на х... и в ж...!» У Елены волосы дыбом встали от такого демарша. Она не понимала: откуда дочь набралась всего этого. И лишь после долгих телефонных переговоров с директрисами пансионата и колледжа ей стало всё ясно. В этих, закрытых от лишних глаз учебных заведениях, проходили обучение многие их

бывшие соотечественницы из семей так называемых «новых русских»...

...Девушка вела себя, как мустанг, застоявшийся в стойле и рванувший в прерию... Большинство времени она проводила в близлежащем городке, где можно было как-то развлекаться. Домой она заявлялась лишь с компанией таких же молодых оболтусов, превращая на несколько дней тихий, райский уголок в филиал чисто русского трактира...

Елена терпеливо сносила все выходки дочери и ждала, когда та набесится до одури и остепенится. С беседами не лезла. Пробовала несколько раз поговорить по душам, но лучше бы и не начинала... Целый год продолжалось это полубезумие. Наконец Наде стало скучно и тесно среди гор и её потянуло на «оперативный простор».

Сделавшись вмиг паинькой, она пообещала матери, что «больше ни-ни», если та отпустит её на учёбу в Париж. Елена вынуждена была уступить. Определив дочь в одну из частных школ модельеров-дизайнеров, где Надя пожелала обучаться, вернулась домой. Ждать результатов пришлось недолго: через год ей пришлось забирать Надю из психиатрической клиники, куда та попала после передозировки наркотиков...

Белая полоса опять сменилась чёрной. После лечения Елена забрала Надю и превратилась, практически, в няньку и надзирателя в одном лице. Ни о каком доверительно-душевно-м контакте и речи не шло – он был потерян. Оставалась единственная цель – вернуть дочь к нормальной жизни...

КЛИНИКА (продолжение)

«Элен, как вы себя чувствуете?» – вырвал её из потока воспоминаний голос лечащего врача.

«Держусь пока».

«К вам посетители».

«Пригласите их, Арнольд, будьте любезны, я жду».

«Один момент. Я, конечно, не могу присутствовать при вашей беседе...»

«Нет, Арнольд», – протестующе прервала Елена – «вы мне будете необходимы!»

«Но, как я понимаю, дело касается завещания, а я – лицо постороннее».

«Арнольд, вы наш почти семейный врач. И знаем мы друг друга уже более десяти лет. Я вас избрала одним из моих душеприказчиков. Так что, вы не можете быть посторонним. Приглашайте приехавших».

«Благодарю за доверие, Элен».

Доктор Циммерман подошёл к дверям палаты и, открыв её, пригласил: «Входите, господа!»

В палату вошли и расселись на заранее приготовленные стулья: адвокат семьи Лесиных – Грюнберг, нотариус Лемке и Шарль Дюруа. Двое молодых людей вкатили медицинскую каталку. На ней стоял, небольшой по размерам, но явно тяжёлый, опечатанный сургучными печатями ящик. Оставив каталку, они покинули палату.

Грюнберг вопросительно посмотрел на Елену. Та молча кивнула, и адвокат, взломав печати, снял упаковку. Взорам присутствующих предстала инкрустированная сверкающими камнями трёхгранная пирамида тускло-серого стального цвета. На каждой из сторон пирамиды располагались золотые барельефы членов семьи Лесиных: Виктора, Елены и Нади.

«Как вы уже поняли, господа», – обратилась к присутствующим Елена – «это – моя последняя обитель. У меня к вам имеется просьба: урна должна быть опущена в озеро. Приблизительно – в центре. Сделать это должны Надежда с моим нынешним мужем. Это моё последнее желание. Вас же попрошу присутствовать при этом. После проведения данной, назовём её – церемонии, господин Лемке огласит текст

завещания. Господин Грюнберг, давайте оставшиеся на подпись бумаги».

Подписав, Елена обратилась к присутствующим: «Спасибо вам за ваши хлопоты, господа! А теперь – прощайте! Я очень утомилась и мне необходимо немного побыть одной».

Палата опустела, но через несколько минут вернулся доктор Циммерман.

«Арнольд, всё остаётся в силе? Сегодня вечером?» – спросила у врача Елена.

«Да», – твёрдо ответил врач, – «Ваше последнее пристанище», – кивнул он в сторону пирамиды, – «не оставило во мне ни капли сомнений относительно помощи вам».

«Надеюсь, Арнольд, вы найдёте убедительный диагноз, чтобы скрыть эвтаназию. При моём безнадежном состоянии, я думаю, это не составит труда. Да и родственники настаивать на дополнительных исследованиях не будут. Уверена».

«Сердечная недостаточность. У людей в вашем состоянии это обычная причина смерти. Не беспокойтесь, Элен, я всё продумал. Если бы был хотя бы один шанс на тысячу – я бы продолжал бороться за вас! Увы. Даже ничтожной доли шанса нет. Поэтому я и пошёл навстречу вашей просьбе об эвтаназии».

«Спасибо, Арни! Я верила, что вы поймёте меня! Ну, что ж, до вечера!»

Врач вышел, а Елена обратила свой взор на пирамиду. «Ну, вот, Витя. Теперь мы навсегда будем вместе. Опять всей семьёй...», – тихо прошептала она.

Счастливая некогда семья, воссоединялась, но уже не в этом мире: Виктора не было; Елены вскоре не будет, а Надя, по существу, умерла. По крайней мере, для Елены. Той девочки, так похожей на Виктора, больше не существовало...

РЕТРОСПЕКТИВА – 2

Поначалу Елена ещё как-то пыталась переломить ситуацию. Но Надя стала совершенно неуправляемой. Их жизнь превратилась в кошмарные кошки-мышки: Надя периодически исчезала, а нанятые Еленой частные детективы отыскивали её и возвращали домой. Мать помещала её на очередной курс лечения, дочь сбегала из клиники... Вот так всё и шло по страшному замкнутому кругу безысходности, пока не появился Марк.

Молодой итальянский художник приехал в «VELNA» по совету друзей его семьи и сразу же был очарован как красотами окружающей

природы, так и красавицей – хозяйкой. Попросту говоря, Марк влюбился.

Для Елены он, который был ненамного старше Нади, оставался приятным молодым человеком, прекрасным собеседником и великолепным пейзажистом. Неосознанно Елену потянуло к нему. Они много гуляли, как когда-то с Виктором, по тропинкам вокруг озера и беседовали на различные темы. Молодой человек оказался как хорошим рассказчиком, так и внимательным слушателем.

Постепенно Елена прониклась таким доверием к Марку, что бесхитростно поведала ему обо всей своей жизни. Он близко к сердцу принял историю семьи и, как человек, неплохо знающий современную молодёжную среду, время от времени стал давать дельные советы: как вести себя с Надей, как поступить в той или иной ситуации. Да и само его пребывание в пансионате как-то благотворно сказалось и на Наде. Она стала мягче, терпимей в отношениях с матерью. Прекратились внезапные исчезновения и тихое пьянство, в периоды жёсткого отлучения от наркотиков.

Елена расцвела. Душа её летала, и она была благодарна Марку за благотворное влияние на дочь. В мыслях она уже видела их семейной парой, но... Беда, обычно, приходит оттуда,

откуда её не ждёшь. Елена вдруг с ужасом осознала, что она влюбилась. Влюбилась, как девочка, после стольких лет одиночества и душевной пустоты.

Конечно, молодая вдова не была затворницей и не вела монашеский образ жизни. Уже много лет у неё была постоянная связь с одним солидным женатым человеком, который дважды в год регулярно приезжал на недельку-другую в пансионат. Но это была обычная связь, без каких-либо страстей и обязательств. И вдруг – Марк. Это начинало становиться безумием, но Елена ничего не могла с собой поделать. А в глубине души – и не хотела...

...Если вам приходилось видеть когда-нибудь в жаркой, иссушенной степи одинокое, пожухлое деревце – вы, наверное, думали: «Засохло, бедненькое, без дождей... Не оживёт...» Но, стоит пролиться дождю, и деревце встрепенётся. Листочки расправятся, и оно потянется ввысь, радостно шелестя ожившей кроной...

Вот так же и Елена. После живительного дождя, обрушившегося на неё в лице Марка, Елена встрепенулась, ожила и потянулась к нему. Да что там-потянулась! Рванула! Понеслась, закусив удила и махнув рукой на все условности! Чувствуя и осознавая, что любима,

она сама хотела любить и дарить свою любовь до бесконечности!

...Сколько было бесед и споров между ними, а потом между ними и дочерью... Сколько недоумения было во взглядах её тактичных знакомых... А чего ей стоил один приезд родителей Марка, которые были почти её ровесники...

Но, родители встали на сторону сына, дочь проявила лояльность и даже забытую уже, было, сердечность, и Елена, в конце концов, сдалась. Она полностью отдалась в руки Судьбы и этому волшебному чувству...

...Они скромно обвенчались, и её жизнь потекла по новому руслу...

Всё рухнуло внезапно, как в тот, злопамятный день авиакатастрофы, много лет назад...

Елена приболела и легла на лечение и обследование в клинику старого друга семьи, доктора Арнольда Циммермана. Промаявшись в клинике четыре дня и почувствовав себя лучше, она, несмотря на протесты врача, поехала домой. «VELNA» встретила её тишиной и только на втором этаже, из комнаты Нади, доносились какие-то невнятные подвывания. То, что предстало взору, превратило Елену в кусок льда... Лежащие обнажёнными Марк и Надя, то ли тихо выли, то ли пели, ничего не видя вокруг

своими широко распахнутыми глазами. На прикроватной тумбочке валялись использованные шприцы, жгут, пустые ампулы. Это был конец. Конец для неё. Конец несбывшимся надеждам...

Елена, оставаясь незамеченной, тихо спустилась вниз, села в машину и поехала, не видя дороги, назад. Вернувшись в клинику, она замкнулась в себе.

«Когда же наступил этот перелом?» – мучительно спрашивала себя она, – «Ведь всё шло так хорошо!» И она стала перебирать, как бусинки, дни их короткой жизни с Марком. Отрешившись от эмоций, холодно анализируя всё, она только сейчас рассмотрела – сколько настораживающих моментов прошли мимо её, находящегося в эйфории любви, сознания. Это были: и неадекватность поведения Марка и Нади, которые она списывала на тепло семейных отношений, радуясь возвращению дочери к жизни; и странный блеск временами в их глазах; и ответы не впопад... и прочие мелочи, которые помогли ей сейчас воссоздать картину в целом.

А целое было страшным. Она, порхая как бабочка, просмотрела, что Надя незаметно сделала Марка вначале наркоманом и сообщником, а затем и своим любовником. Наступил

закономерный финал. Катастрофа. Жизнь потеряла для Елены всякий смысл. Единственный вопрос занимал её теперь: «Как жить дальше?»

КЛИНИКА (продолжение)

...Елена очнулась, как будто всплыла со дна омута. Вокруг была привычная обстановка палаты. Отпив воды, она усмехнулась про себя: «Последние мысли – и те о плохом. А о чём ещё думать? Что вспоминать? Скоро и это всё уйдёт в небытие!» Она посмотрела на пирамиду, и перед глазами снова встал тот злополучный день. Тогда ею овладела только одна мысль. Она терзала изнутри, жгла огнём, рвалась в немом крике наружу: «Как жить дальше?!»

РЕТРОСПЕКТИВА – 3

Решение пришло сразу: «Развод». Но тут же её бросило в жар – при разводе Марк получит если не половину, то значительную часть её состояния! А это недопустимо! Нужно было искать выход...

Елена ещё не знала об очередном страшном ударе, подготовленном ей жизнью. Не зря говорят: «Пришла беда – отвори ворота!» Бук-

вально на следующий день после приезда, когда она сумбурно искала выход из тупиковой ситуации, её пригласил в свой кабинет доктор Циммерман.

«Элен, зная вас уже много лет и являясь другом вашей семьи, не буду ходить вокруг да около, и говорить загадками», – начал он, – «Вы всегда предпочитали правду во всём. Буду правдив и честен с вами до конца. Результаты исследований дают основание утверждать то, чего я боялся больше всего... У вас рак, Элен. Причём в последней, неоперабельной стадии. У меня ещё была какая-то надежда, но... Отсюда и ваши боли и прочие, теперь понятные симптомы. Зная о вашем богатстве и, имея желание заработать на вас, – я взялся бы вас лечить. Но, являясь вашим другом и, не имея желания преследовать корыстные цели, заявляю прямо: любое лечение в вашем случае бесполезно. Это лишняя трата времени и ваших денег. Поэтому решайте сами, как вам поступить в данной ситуации. Любое ваше решение я приму как руководство к действию и сделаю всё для меня возможное. Но, повторяю ещё раз: я – не Бог и чудес творить не могу, как бы мне этого ни хотелось!»

Елена давненько начала предполагать нечто подобное. Но чтобы до такой степени...

Всё складывалось против неё. Жизнь, по сути, закончилась. Нужно было принимать решение.

«И что вы, Арни, мне посоветуете?»

«Жить. Просто жить. И, не спеша, привести свои дела в порядок».

«А сколько мне осталось, Арни?»

«Ну, при существующем положении, месяцев 8 – 10. Максимум – год, если не случится стрессовых ситуаций. При неблагоприятном развитии событий – месяца 3 – 4».

«Эти стрессовые ситуации уже несутся», – подумала Елена, а вслух сказала: «Вердикт ясен. И каковы будут наши действия?»

«Я буду регулярно навещать и контролировать ваше состояние», – сказал доктор, – «Поддерживающая терапия будет проводиться постоянно, а при начавшемся стабильном ухудшении вы будете помещены в клинику».

«Благодарю за честность, Арни. У меня к вам ещё один вопрос. Скажите, если всё подойдёт к логическому концу, нельзя ли будет уйти тихо и безболезненно? Заснуть и не проснуться?»

«Я понял. Вы имеете в виду эвтаназию. У нас она пока запрещена. Но в вашем случае, учитывая наши многолетние доверительные отношения, я смогу пойти вам навстречу. Единственные условия: всё должно оставаться

между нами и – ваше твёрдое, окончательное решение».

«Спасибо, Арни. Я всё поняла. А пока... Ну что ж, воспользуюсь вашим советом и буду просто жить!»

Они распрощались, и Елена вернулась домой. Вопрос «Как жить дальше?» больше не стоял перед ней. Нужно было принимать простые, но действенные, сиюминутные решения. И она уже настраивала себя на это.

За дни, проведённые в клинике, ни Надя, ни Марк, так и не посетили её ни разу. Приезжал лишь старый, верный Шарль. Но он, жалея Елену, лишь делал намёки на не совсем нормальное течение дел. Она же, зная подоплёку, прямо ему всё выложила, и он смог лишь выразить свою сочувствующую боль за неё.

По приезду Елена не стала закатывать истерику и скандалов, а, усевшись за обеденным столом, чёткими и рубящими фразами обрисовала положение дел и расставила точки над «I».

Поставив всех в известность о вынесенном ей врачебном диагнозе, по сути, приговоре, она резко осадил попытавшегося что-то сказать Марка и перешла на их отношения.

«Теперь о вас. Я всячески поощряла ваше общение, надеясь на твоё благотворное влияние на Надю, Марк. Надеюсь, что это быстрее

поможет ей вернуться к прежней жизни. Понадеялась... У нас, русских, говорят: «Пусти козла в огород...» В общем, я знаю всё, не пытайтесь возражать и оправдываться. Если я сказала «Всё» – значит, – «Всё». Объяснения не нужны. Да они и не помогут. Что случилось – то случилось. С этой минуты ты, Марк, можешь считать себя свободным от всех обязательств. Поступайте так, как сочтёте нужным. Единственная просьба: сохраняйте до моего ухода какие-то рамки приличия.

Теперь о разводе. Помолчи и слушай!» – резко осадил Елена Марка, – «разводиться не советую. Во-первых: Марк, практически, ничего не получит – Грюнберг постарается. Во-вторых: сам процесс может затянуться, а у меня и так осталось мало времени. И, в-третьих: всё это поглотит немалую сумму. А так – всё остаётся вам поровну. Да, Марк, поровну. Всего ты не получишь. И не пытайся даже оспаривать и ссылаться на законы – Грюнберг не даст. Он предусмотрел все варианты развития событий. А теперь – вон. Идите и оставьте меня в покое».

...Данное решение Елена приняла обдуманно, перебрав все возможные варианты с адвокатом Грюнбергом. Она всё ещё надеялась, что дочь образумится, особенно после известия о её состоянии. И, хотя Елена готова была рас-

терзать Марка, смешать с грязью и выпшвырнуть на улицу, но любовь к дочери, вера в то, что у неё всё сложится по-другому, вынудили её поступить так, как она поступила, и не иначе. Её слово было сказано. Оставалась малость: оно должно быть услышано. Но её не услышали. Или не захотели услышать. Вынужденное отступление было принято за безоговорочную капитуляцию. А победу нужно праздновать! Триумфально! И вместо того, чтобы притихнуть и провести последние месяцы жизни матери хотя бы в видимости рамок приличия, Надя с Марком пустились во все тяжкие...

...Снова «VELNA» гудела от постоянно чередующихся новых друзей Марка и дочери. Устраивались безобразные вечеринки, всё ходило ходуном. Елена больше не видела дочери и Марка. Вместо них существовали дикие особи. Последней каплей, переполнившей чашу терпения и окончательно обратившей любовь к дочери в яд ненависти, стала, походя брошенная Надей фраза: «Скорее бы уж ты оставила нас в покое, старая сука! Достала всех!»

С этой минуты дочь для Елены окончательно умерла. Она просто перестала замечать это ссохшееся лицо с лихорадочным блеском в глазах. Они продолжали уже не жить вместе, а

просто сосуществовать. Трое, ставших друг другу абсолютно чужими, людей...

Елена сделала всё, что могла. Но победа досталась не ей. Она проиграла в этой схватке за дочь, да и за саму жизнь. И тогда пришло решение. Иное решение. И она поехала в адвокатскую контору Грюнберга...

КЛИНИКА (финал)

...Елена продолжала смотреть на пирамиду. Барельеф Виктора на одной из сторон с датами рождения и смерти... Вместе с ней будет кремирована их свадебная фотография и старенький, бережно хранимый Еленой, Витин бумажник – память об их первом посещении этих мест... Барельеф Нади с датой рождения на другой стороне... С Еленой будут её детская фотография, бирочка из роддома и непослушная прядка волос... счастливая некогда семья воссоединится, но уже в ином мире и в ином качестве. Отныне и навеки они будут вместе, и родная «VELNA» навсегда останется их последним домом...

Елена, преодолевая очередной приступ боли, взглянула на часы. Пора. Бег по кругу завершился. Впереди остался самый короткий и трудный отрезок финишной прямой. Вернее,

даже не отрезок, а последние метры рывка. Глубоко вздохнув, она, мысленно усмехнувшись, сказала себе: «Ну, вот, девочка и всё. И как бы не казалась жизнь прекрасной – она ужасна, жестока и несправедлива. Надейся, что церковь не лжёт и твоя душа, наконец-то, обретёт долгожданный покой и благодать. Не сбылось на земле – так пусть сбудется на небе! Выше голову, Леночка! Уходи легко и с улыбкой!»

И, как бы услышав её, в палату вошёл доктор.

«Вы не изменили решения, Элен?» – спросил он.

«Нет, Арни. Делайте всё с чистой совестью и спокойной душой».

«Ну, что ж, Элен, сейчас я добавлю в раствор капельницы препарат. Вы почувствуете себя хорошо и через некоторое время спокойно заснёте. Уже навсегда...»

«Благодарю вас, Арни, что вы даёте мне возможность так уйти. Ещё раз спасибо за всё и долгих, счастливых лет вам и вашей дружной семье!»

Елена замолчала и закрыла глаза. Циммерман, проделав необходимые манипуляции, тихо вышел из палаты.

Она продолжала лежать, закрыв глаза. По телу растекалось волнами приятное тепло и над головой вдруг ярко засверкало солнце в поразительно чистой и ясной небесной голубизне...

...Они с Витей и маленькой Надюшкой плыли на лодке по озеру... Сверкало солнце. На берегу, среди ветвей прохладного леса, весело щебетали птицы. Чистейшая синь воды и хрустальная голубизна неба очаровывали... Лену разморило...

«Я подремлю немного, ребята...» – пробормотала она и погрузилась в сладостный сон...

...На следующий день, утром, доктор Циммерман констатировал смерть гражданки Лесиной Елены Александровны от острой сердечной недостаточности, вызванной тяжёлым течением её болезни. Лишних вопросов ни у кого не возникло: ни со стороны властей, ни со стороны родственников. Тело и приложенные к нему, по просьбе Елены, предметы, кремировали, а прах был помещён в большую пирамидальную урну...

«VELNA»

Церемонию прощания и погребения решено было не затягивать – Наде с Марком не терпелось дорваться до долгожданных денег.

Урна с прахом была доставлена в пансионат. С помощью лебёдки её переместили из кузова пикапа на палубу небольшого прогулочного катерка. Катер отчалил от берега и взял курс к центру озера. Сопровождающие молчали, и только Марк с Надей о чём-то хмуро шептались на корме. Прибыв на место, катер застопорил ход. Марк встал к лебёдке. Пирамида поплыла вверх. Ярко сверкали на солнце золотые барельефы и выложенные затейливым узором, камни. Марк нажал кнопку на пульте управления, сцепка разъединилась и пирамида, подняв фонтаны брызг, пошла на дно, в тёмные, неизведанные глубины озера...

Церемония была завершена. Катер взял курс к берегу. Марк с Надей стояли на корме отдельно от остальных.

«Старая дура», – злобно шипела Надя, – «устроила тут цирк со своим свинцовым гробом! Да ещё и стразами его, как ёлку, обляпала! Совсем с каблуков слетела! А эти-то, эти индюки надутые! Стоят, строят из себя невесть что! Погодите! Скоро вы начнёте лебезить перед новой госпожой Лесиной и её мужем! Ну, а ты

чего киснешь, вдовец?» – ткнула она в бок Марка.

«Нельзя же так, Надин. Мать всё-таки...» – попробовал урезонить её Марк.

«Заткнись, моралист и радуйся жизни! Теперь мы свободны и имеем всё!»

Катер приткнулся к причальному мостику.

...В столовой, на первом этаже, разместились за общим обеденным столом все заинтересованные лица: Марк с Надеждой, Шарль Дюруа, доктор Циммерман, адвокат Грюнберг и нотариус Лемке. Присутствовал и ещё один, никому не знакомый ранее, человек.

Нотариус Лемке вскрыл пакет и огласил текст завещания. Все молчали. Марк стал блее мела и только раскрывал рот, хватая воздух... Искажённое яростью лицо Нади налилось кровью...

«Сука!» – хрипела она и повторяла, как заведённая – «Сука! Сука!! Сука!!!»

Её хриплый визг перешёл в дикий, звериный вой. Взгляд безумно метался по лицам присутствующих и, внезапно упав, она потеряла сознание...

...Еленина душа могла быть спокойна – каждый получил то, что заслужил. «**VELNA**» перешла в собственность семьи Дюруа; доктор Циммерман получил новое оборудование для своей клиники; адвокат Грюн-

берг – новое помещение под свой офис; значительная сумма была переведена в адрес детдома, где воспитывалась Елена, как целевая программа, для постройки нового здания детдома; Марк не получил ничего. Наде же был предоставлен ещё один, пусть маленький, но шанс: в пригороде, где находился детдом Елены, ей была приобретена небольшая квартира и открыт счёт на приличную сумму в местном банке. Но пользоваться она им могла только после соблюдения двух обязательных условий: прохождения полного курса лечения и реабилитации в клинике доктора Циммермана и дальнейшего трудоустройства на любую должность в детдом. Отныне, независимо от того, будет она лечиться или нет – её ждала Россия и обычная трудовая жизнь.

Львиная доля со счёта Елены была перечислена одному из известных ювелирных домов за изготовление уникальной платиновой пирамиды, инкрустированной золотом высшей пробы и натуральными драгоценными камнями... Она покоилась сейчас на дне, затерявшись среди обломков скал и расщелин, под толстым слоем воды в несколько сот метров...

Еленин счёт в банке, как и в жизни, был закрыт...

Не зря говорят, что от любви до ненависти – всего один шаг...

ЧАСТЬ 2

Однажды, коротая время за кружкой пива, мой приятель режиссёр с телевидения, спросил: «Саша, ты «Свадебные истории» смотришь?»

«Сейчас – нет», – ответил я, потягивая пиво, – «Неинтересно стало. Всё одно и то же. Сплошное бл...во и ничего экстраординарного. Поначалу – захватывало, сейчас – приелось».

«Ну, не скажи...» – протянул приятель – «Один случай, не так давно, был, по-моему, из ряда вон. Правда, огласки не было – подзамяли. Но мне знающие люди кое-что рассказали. Могу поделиться фактами, если хочешь».

«Давай...» – с безразличием ко всему, от палящего зноя, сказал я, – «Излагай...»

Продолжая утолять жажду, я мечтал лишь об одном: поскорее добраться домой и встать

под освежающие струи холодного душа. Но через некоторое время рассказ приятеля настолько захватил меня, что я напрочь забыл и про жару, и про время. Жара подхлестывала его и, мечтая поскорей укрыться под защиту кондиционера, он излагал всё сжато. На мои уточняющие вопросы лишь пожимал в ответ плечами: «Не владею информацией».

Закончив, приятель попрощался со мной, а перед моими глазами, как живая, стояла развернувшаяся картина произошедшего. Приехав домой я, забыв обо всём, схватил записную книжку и «оседлал» телефон. Кое-какие номера нужных людей у меня были, кое-что подкинул приятель.

К вечеру на картину событий был наложен последний мазок. Это была уже не зарисовка, не «этюда в багровых тонах», а целостное полотно, потрясающее глубиной своей трагичности...

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

АГЕНТСТВО «СВАДЕБНЫЕ ИСТОРИИ»

«Здравствуйте, Виктория!» – вежливо обратился глава агентства Алексей к подошедшей к машине девушке, – «Извините, что сорвали вас с работы, но вопрос требует вашего присутствия и решения. Мы проследили за вашим мужем и сегодня получили, увы, неутешительный для вас результат: ваш муж встретился около часа назад с некой женщиной, затем они заехали в магазин и сейчас находятся в вашей квартире. Но мы их не видим, так как по вашей просьбе камера установлена только в вашей спальне и прихожей».

«Но и меня поймите правильно» – сказала Вика – «это квартира мамы и у неё может быть своя личная жизнь. А тут – вы с камерами! Значит, сейчас они там?»

«Да. В квартире», – ответил Алексей, – «Поэтому вас и вызвали с работы. Что будем делать? Ваше решение?»

«Едем туда», – твёрдо сказала Вика.

«Вы действительно хотите разобраться на месте и сейчас?» – спросил Алексей. – «Может быть, пока подумаете до вечера...»

«Нет!» – прервала Вика, – «Едем немедленно!»

Подъехав, остановились возле оперативной машины. Их встретил старший группы. Поздоровавшись, подтвердил, что пара не покидала квартиру, но находится вне видимости. «Может, они в гостиной или на кухне, или... в ванной», – высказал он предположение.

«Ну, что, Виктория», – обратился к девушке Алексей, – «идём?»

«Идём».

Алексей махнул рукой и оперативная группа, вооружённая видеокамерами, направилась с ними к подъезду. Поднявшись на 9-й этаж, Вика достала из сумочки ключи, но дверь открыть не смогла – руки от волнения ходили ходуном.

«Позвольте мне», – Алексей забрал ключ и открыл дверь. Вика ринулась в квартиру, открывая по дороге двери. Ванная – пусто. Кухня – пусто. Гостиная – пусто. Вика остановилась. Из-за закрытых дверей спальни матери доносились приглушённые стоны и всхлипывания. Она рывком распахнула дверь и замерла на пороге. Женщина на кровати находилась к ней спиной и успела нырнуть под простынь, а навстречу ей вскочил изумлённый муж.

«Вы кто такие?» – закричал он на заполнивших спальню оперативников – «Как вы сюда попали? По какому праву?»

Ответ он получить не успел, так как Вика бешеным тайфуном обрушилась на мужа.

«Сволочь! Как ты мог?!» – молотила она по нему своими кулачками – «Да ещё в спальне мамы! Гад! Сволочь!! Гад!!!» – кричала Вика.

Охранник группы, мягко обхватив её, отодвинул в сторону от обалдевшего мужа. Алексей выступил вперёд.

«Мы», – обратился он к мужу Вики, – «Детективное агентство «Свадебные истории». Ваша жена наняла нас для того, чтобы проследить за вами и установить факт супружеской измены. Она – наш клиент и мы находимся здесь на законных основаниях – по её просьбе».

Муж растерянно молчал. Затем сгрёб из кресла ворох своей одежды и, быстро юркнув мимо присутствующих, проскочил в ванную и закрылся там.

Вика, обмякшая в руках охранника, только тихо всхлипывала. Тот отпустил её, и она шагнула к кровати.

«Ну, сучка, вставай!» – взревела Вика, превращаясь опять в дикую пантеру.

Запрыгнув на кровать, она оседлала женщину и стала срывать с неё простынь. Та со-

противлялась и появляться на всеобщее обозрение не желала.

«Сука, вставай!» – тянула Вика на себя простынь – «На маминой кровати! Блядища!»

Охранник, вновь обхватив Вику, потянул её с кровати. Та мёртвой хваткой уцепилась в простынь. Женщина – тоже. Охранник поднатужился, и Вика, с простынью в руках, продолжая крыть на чём свет стоит любовницу мужа, очутилась в двух шагах от кровати, удерживаемая охранником.

Женщина, оставшись без защиты простыни, схватила подушку и прикрылась ею.

«Да прекрати ты истерику, дура!» – крикнула она Вике. – «Устроила, представление!»

Вика резко оборвала крик и съёжилась в руках охранника. Она ожидала увидеть что угодно, но только не это... То, что она увидела, не укладывалось в её голове...

А женщина, между тем, не обращая никакого внимания на стоящих вокруг людей, начала спокойно одеваться, будто бы она находилась в комнате абсолютно одна.

Наступила какая-то зловещая тишина. Пауза затягивалась и Алексей, шагнув вперёд, собрался разрядить обстановку. Но тихий голос Вики, вернее сказанное ею, заставили его молча замереть на месте.

«Мама», – почти прошептала Вика, – «как ты могла?..»

«Как могла – так и смогла!» – женщина, ничуть не смущаясь, смотрела на Вику – «А вот ты чего утварила? Телевизор насмотрелась? Устроила реалити-шоу на всю страну! Можно было по-семейному всё спокойно обсудить! А теперь – что?»

«Мама», – опять тихо сказала Вика, – «но ведь он – мой муж!»

«Муж, муж...» – женщина наносила на лицо последние штрихи макияжа, стоя перед зеркалом, – «Ну и что случится с твоим мужем? Убьёт от него что ли?»

Женщина взяла сумочку и пошла к выходу, бросив напоследок: «Разбирайтесь пока сами в своих семейных отношениях. Вечером приеду с работы и всё обсудим. Только не устраивай здесь шекспировских страстей!»

Уже стоя на пороге, она вдруг замерла от ударившего ей в спину крика: «Ненавижу!!!» Но не остановилась и даже не обернулась, а спокойно вышла, захлопнув за собой дверь.

«Может быть, вас сейчас к кому-нибудь отвезти?» – обеспокоенно спросил Алексей, – «К близким, знакомым?»

«Не надо», – тихо ответила Вика, – «я хочу побыть одна».

«Видите ли, Вика, оставлять вас сейчас в таком состоянии...», – начал Алексей.

«Спасибо», – прервала она, – «не беспокойтесь, глупостей я не наделаю».

«Хорошо, Вика. Но ситуация настолько необычная... Давайте договоримся так: мы сейчас установим ещё пару камер – на кухне и в гостиной и как минимум сутки понаблюдаем. Вы будете в курсе – остальные нет. Вмешаемся мы только в крайнем случае – если ситуация примет нежелательный для вас оборот и выйдет из-под контроля. То есть, если вам срочно потребуется наша помощь. Вы согласны?» – Алексей вопросительно смотрел на неё и ждал ответа.

«Да», – ответила Вика, – «Делайте так, как считаете нужным, мне уже всё без разницы! Спасибо вам и извините, если с моей стороны было что не так. У меня к вам ещё одна маленькая просьба: заберите ключи у этого мерзавца и выдворите его из квартиры! Видеть его не хочу! Пусть валит на работу к мамаше или опшивается где хочет до её приезда!»

Алексей согласно кивнул. Но выставлять никого не пришлось – муж втихаря испарился.

«Ну, мы тогда пойдём», – сказал Алексей, – «а вы, если что – звоните. Телефоны у вас есть. Мы будем на постоянной связи».

Вика согласно кивнула, закрыла за детективами дверь и осталась в огромной квартире одна, в оглушающей тишине...

...Алексей инструктировал оперативников в микроавтобусе: «Парни, мы добавили две камеры – понаблюдайте. В случае чего – экстренно вмешивайтесь! Ситуация, повторяю, из ряда вон! Поэтому никаких команд не ждите и решения принимайте самостоятельно!»

«И как долго наблюдать будем?» – спросил один из оперативников.

«До завтра – точно. А с утра будем исходить из обстановки», – ответил Алексей. – «Всё, парни! Я – на постоянной связи!» – добавил он и сел в машину. Группа уехала, а дежурные оперативники, не спеша попивая кофе, продолжили наблюдение...

ОЛЬГА

Ольга пребывала в раздражении. Даже в таком лёгком бешенстве. Доехав до офиса, быстро прошла в свой кабинет, бросив на ходу секретарше: «Меня ни для кого нет и сегодня не будет! Телефон тоже переключи на себя!»

Закрыв дверь кабинета на ключ, прошла в комнату отдыха и первым делом выпила сходу полфужера коньяка. Посидев немного в кресле,

почувствовав разлившееся по телу тепло, – встала, сбросила с себя одежду и прошла в душ. Стоя под мягкими, успокаивающими струйками воды, Ольга понемногу приходила в норму после сегодняшнего потрясения. Каких нервов ей стоило быть хладнокровной в присутствии этой толпы!

«Ну, сучонка! Ну, удружила!» – с каким-то злобным восхищением думала она о дочери. – «Нанять «Свадебные истории»! Это же додуматься надо! Насмотрелась телевизор! Сейчас так можно ославиться – как бы делу не навредило! Хотя обо всём можно будет договориться и всё решить полюбовно. Заплатить агентству побольше и, главное, чтобы Вика не дала им «добро» на эфир. Ладно. Всё обсудим и решим вечером, дома. Пусть она сейчас подуспокоится. Первоначальные страсти улягутся, и можно будет конструктивно поговорить».

Ольга вышла из-под душа, не одеваясь, села на диван и выпила ещё полфужера коньяка. Пришло умиротворение и расслабление.

«Где же мы с Димкой засветились?» – думала она, – «Дома – всегда только вежливое: «Дима» и «Ольга Васильевна»; никаких намёков и даже полунамёков. Скорее всего этот хлыщ попёрся ещё куда-то на сторону, вот дочь и почувяла неладное. Хотя разборки между ними вроде

не было, и Димка ничего такого не говорил мне. Ладно. Выясним. Сейчас вечер будет мудренее утра!»

Ольга ещё пропустила немного коньяка. Моральных мук и утрызений совести она не испытывала. Да и откуда им было взяться! Дочь, по существу, была ей чужим человеком...

Откинувшись расслабленно на подушку дивана, она, закрыв глаза, вернулась назад, в далёкое прошлое...

...Приехав покорять Большой город, Ольга, самонадеянно (впрочем, как многие до неё), завела роман с мужчиной значительно старше по возрасту. Решив, что поймала журавля – даже собралась рожать. Но реакция будущего папы была предсказуема: такой поворот событий его не устраивал. Перед Ольгой встал извечный вопрос: «Что делать?»

Возвращаться домой с «приданным» – опозориться на веки вечные; стать матерью-одиночкой в Большом городе без стабильной базы – обречь себя на полунищенское существование. И Ольга всеми фибрами души возненавидела ещё не родившегося ребёнка.

Выход из положения предложила мать. Приехав по звонку Ольги и выслушав дочь,

сказала лишь одно: «Рожай. Вынянчу и выращу!»

Так на свет появилась Вика, которая с пелёнок росла у бабушки с дедушкой.

Ольга с головой окунулась в построение своей карьеры и личной жизни. О дочери вспоминала изредка, общаться с ней – не общалась. И лишь в нечастые свои приезды к родителям видела, как подрастает девочка. Родительских чувств она не испытывала. В воспитание дочери, да и вообще в жизнь стариков, не лезла. Но надо отдать ей должное: деньги родителям она посылала регулярно. И чем прочнее становилась на ноги, тем значительнее становились суммы переводов. Но этим всё, в основном и ограничивалось, не считая кучи подарков, которые Ольга привозила в свои редкие появления в родительском доме.

Время шло. Она уже владела небольшой, но стабильной фирмой по изготовлению дизайнерской женской одежды и белья. Кроме швейного цеха, имелись и свои художники-дизайнеры, и модели. Цикл производства был замкнут. Расчёт был сделан на потребителя со средним уровнем достатка, которому и ширпотреб надоел, и модные бренды не по карману, а хочется чего-нибудь эдакого...

Всё работало как хорошо отлаженный механизм. Но вот личная жизнь не складывалась. Не красавица, но привлекательная и с шармом, Ольга в свои сорок с хвостиком лет, продолжала оставаться одинокой.

Что такое – «одинокая женщина»? Это как маленькая гавань, которая ждёт, что к её причалу подойдёт большой белый корабль. Но время идёт, большие корабли проплывают мимо, а к тихой пристани причаливают мелкие судёнышки, которые интереса не вызывают...

Но, вдруг, среди них появляется маленький, яркий, словно игрушечный, кораблик, и всё меняется... Так в жизни Ольги появился и Димка...

Молодой, но талантливый и подающий надежды модельер прочно встал на причал в Ольгиной гавани. Она сразу и бесповоротно влюбилась. О замужестве речи не шло: Дима был почти вдвое моложе и годился Ольге в сыновья. Да и начавшуюся между ними связь особо афишировать не стоило – могла быть подорвана так долго и трудно создаваемая деловая репутация. Многие бы Ольгу не поняли, посчитав легкомысленной. Поэтому всё оставалось за кулисами, под неким романтическим ореолом. Это нравилось им даже больше, чем обычная, открытая связь.

Жизнь же вносила свои коррективы. Вика закончила школу и встал вопрос: «Что дальше?» В маленьком городке путь был один — ПТУ и работа в сфере обслуживания. Так бы оно и произошло, но тут на дыбы встала бабушка. Вызвонив Ольгу и заставив её приехать, она поставила перед ней вопрос ребром: или Вика учится в Большом городе, или мать Ольгу не знает и знать больше не желает.

Так Вика очутилась у матери. Поступить сразу в институт не вышло, и Ольга устроила её к себе. Благо, бабушка научила Вику обращаться со швейной машинкой и та, практически виртуозно владея искусством швеи, безболезненно вошла в небольшой коллектив швейного цеха. Поначалу Вика нацеливалась жить в общежитии, но вопрос временно был отложен до её поступления на учёбу в будущем году. Ольга, как хозяйка фирмы, используя свободный график, внесла коррективы и в свои романтические отношения.

Так, потихоньку, всё и шло, пока не грянуло...

Ольга чувствовала, что что-то происходит: и Вика стала более замкнутой, и Дима всё чаще был каким-то рассеянным: витал где-то в облаках, вдали от Ольги, хотя и находился рядом... Всё разрешилось в один день, когда Дима

явился в кабинет к Ольге с заявлением об уходе.

«И что это означает?» – только и смогла спросить она.

«Ольга Юрьевна», – официально начал Дима, – «я и ваша дочь любим друг друга и намерены пожениться. Но так как у нас довольно сложные взаимоотношения – я, как честный человек...»

«Стоп!» – прервала Ольга, – «Остапа понесло! Давай с начала, медленно и по порядку!»

«Да по какому порядку? Какое начало? В общем, Вика забеременела, и мы решили пожениться! Жить будем у моих родителей, а с работы я должен уйти по этическим соображениям!»

«Этический ты мой! И когда это вы всё успели: и любовь, и беременность?» – усмехнулась внешне спокойная Ольга. – «А обо мне ты не подумал? Они, видите ли, всё решили! А как же я? Я, вроде бы, не последний человек в этом треугольнике!»

«Оля, ну так вышло!» – тихо сказал Дима, – «Как хочешь это назови, но что случилось – то случилось!»

Ольга молчала. Для неё это был неожиданный и ошеломляющий удар. Но она сохраняла видимость спокойствия, балансируя на своих

натянутых, как струна, нервах. Надо было что-то делать, как-то спасти ситуацию.

«Ладно, Дима. Ты не пори горячку, а иди и спокойно работай. В конце дня зайдёшь. Я решу, что делать и как поступить. В конце концов, мы же все друг другу не враги!»

В голове стоял хаос. Ольга прибегла к надёжному и испытанному средству прочищения мозгов – к верному, пятизвёздочному... Отпустило...

«Прекрасные итоги чудесного лета!» – сыронизировала мысленно она, – «Мало того, что доча в институт провалилась, так она ещё умудрилась и Димку увести и залететь от него! И когда они успели? Всё время вроде на глазах были! Как проморгала, дура старая? А этот оболтус ещё талдычит: «...любовь, любовь...» Да какая «любовь»! Любовь – это взрыв! Водоворот! Омут – в который с головой! Как глоток воздуха после удушья!»

Ольга взволнованно ходила по кабинету. Но постепенно мысли упорядочили свой бег и она стала просчитывать варианты... К вечеру выход был найден, решение окончательно сформулировано и требовалось приступить к действиям.

«Поехали!» – коротко бросила она вошедшему Диме и направилась к выходу. Прихватив

по дороге Вику, она так же, не распространяясь, сказала: «Едем домой. Там всё обсудим!»

По дороге домой все молчали. Лишь водитель травил анекдоты, пытаясь расшевелить хозяйку. Дома Ольга выдала заготовленную, выстраданную ею речь.

«Значит так», – начала она, – «ни о каких твоих родителях, Дима, и речи быть не может. У вас же «двушка» в «хрущобе» – какая там будет жизнь? Будете жить здесь. Три комнаты на троих – достаточно. Со временем приобретём вам отдельное жильё. В ЗАГСе были?»

«Были. Регистрация уже через неделю», – тихо ответила Вика.

«Ну, вы и партизаны! Родная мать узнаёт всё последней! Всё! Спокойно живите, свадебные хлопоты я беру на себя!»

Дима попытался что-то возразить, но Ольга осадила его: «О расходах не беспокойтесь. Финансовое положение вашей семьи, Дима, я знаю. Поэтому всё сделаю сама! Не каждый день дочь беременеет и замуж выходит!» – в голосе Ольге проскользнула нотка боли, но тут же она наигранно-весело продолжила – «А теперь – кшш, цыплята! Вика, веди будущего мужа к себе в комнату, а маме предоставьте возможность подумать и заняться делами!»

...Отзвучал марш Мендельсона и жизнь пошла по новому руслу. Страсти и суматоха улеглись, и Ольга сделала очередной ход. Она с самого начала ни на миг не оставляла мысли о том, каким образом удержать при себе Диму. Сдаваться она и не думала, и не собиралась.

Первый этап её плана удачно сработал: дочь получила мужа, а она – Димку в собственную квартиру на законных основаниях. Да ещё и сохранила на работе талантливого модельера.

Вторым этапом стал продолжительный и обстоятельный разговор с мягким, слабохарактерным зятем. Ольга чётко и ясно изложила ему: чего он может лишиться, если будет игнорировать её, как женщину, и чего он сможет иметь, если будет поступать так, как она хочет.

...В результате получилось, как она и задумывала с самого начала: дочь – замужем, она – с любовником.

И всё шло хорошо до сегодняшнего дня. Но сегодня... Ольга вышила ещё одну рюмку и принялась мысленно выстраивать предстоящий вечером, нелёгкий разговор...

ВИКА

С раннего детства, как помнит себя, слово «мама» всегда ассоциировалось у Вики с бабушкой. Так она её и звала, а деда – «Дед», потому

что так называла его бабушка. О том, что в Большом городе живёт её настоящая мать, Вика узнала только тогда, когда пошла в школу. До этого, изредка приезжающая к ним тётя, так и оставалась для Вики «тётей Олей». Но новое знание не принесло девочке ни особой радости, ни даже особого интереса. Мама для неё была одна, а тётя Оля так и осталась «тётей». Взять и просто так, с маху, признать её мамой и полюбить как маму, Вика не могла. Да и не хотела, и не пыталась. Они жили в разных мирах, вращались на разных орбитах...

...Вика бы сама ни за что не покинула бабушку, но та настояла: «Здесь тебе, Викуля, ничего кроме простой работы и забулдыги – мужа не светит. Нужно ехать в Большой город. Вот выучишься, получишь хорошую специальность, да замуж выйдешь за нормального человека – тогда и будем думать, как дальше жить», – бабушка помолчала немного, а затем продолжила: «О нас ты не беспокойся. Мы с дедом крепкие! Ещё правнуков хотим понянчить! Так что главное – учись! Навещать нас почаще будешь, когда-нибудь и мы с ним к вам приедем. У тебя, Викуля, база есть для учёбы, опора. Это Ольга всё с пустого места начинала: ни знакомых, ни денег. Билась, как рыба об лёд, чтобы в люди выйти. Вот поэтому и с тобой

так получилось», – бабушка глубоко вздохнула, – «Ты уж не суди строго, будь помягче с ней... Как-никак – мать... Со временем всё поймёшь сама, как порою непросто бывает в жизни... Как иногда приходится чем-то поступаться или даже отказываться от чего-то... Со временем поймёшь...»

Вопрос был решён и переезд Вики к матери состоялся.

Поначалу она держала себя с матерью скованно, но постепенно отношения становились теплее. Ольга, как бы навёрстывая упущенное, проявляла к дочери повышенное внимание и заботу. Перво-наперво, обновили весь гардероб Вики. Ольга испытывала удовольствие, таская её из магазина в магазин и подбирая ей вещи. Девушка, надо отдать должное, выросла красивой: выше среднего роста; жгучая брюнетка с водопадом пышных, струящихся по плечам волос; с ярко выраженными глазами и губами, не требующими помады; с лёгким естественным румянцем на щеках – девушка вызывала повышенное внимание у сильного пола.

«Эх, если бы ей ещё и мой пробивной характер – цены бы девке не было!» – думала Ольга.

Но Вика пошла неизвестно в кого. Скорее всего, сказывалось патриархальное воспитание

в семье бабушки и деда. Они её хоть и баловали, но воспитывали в строгости моральных устоев и норм, что в наше время стало большой редкостью. А иногда даже не просто редкостью, а проявлением двойной морали: когда родители воспитывают детей по одним правилам, а сами живут по другим. А дети смотрят и делают выводы. Не всегда в пользу родителей...

...Одев девушку согласно последним веяниям молодёжной моды и приобретя все необходимые в быту вещи – от мелочей до ноутбука, они перешли к осуществлению культурной программы. Времени до вступительных экзаменов было достаточно, да и Вика не сомневалась в себе: выпускные экзамены в форме ЕГЭ она сдала с хорошими результатами. Немного напрягал дополнительный по специальности (девушка хотела обучаться на художника-модельера), но мать успокоила: «Дима поможет. Он – талант».

Эта идея посетила её сразу по приезду Вики. Уделив дочери какое-то время, она всё же должна была вернуться к своей работе. А подключив Диму, она убивала двух зайцев сразу: и дочь под присмотром, и даже помощь к экзамену будет иметь; и любовник может появляться у неё дома вполне обоснованно, без лишних

вопросов со стороны дочери и всегда будет под рукой. Ольга оформила Диме официальный отпуск, и вопрос был решён.

Молодые люди понравились друг другу. Будучи из различных общественных кругов, у них, всё же, нашлось немало общего. Молодёжь! У них и характеры были чем-то неуволимо схожи: та же мягкость, уступчивость. Нашлись и общие интересы в сфере культуры и современного искусства, не говоря уже о будущей профессии Вики.

За этот месяц, прошедший в посещениях различных выставок, музеев; походах в театры и на просмотры кинофильмов; в прогулках по паркам и историческим местам – они настолько сблизились, что, казалось, знали друг друга всю жизнь. Было бы удивительным, если бы между ними не возникло никаких чувств. И это произошло.

Вика расцвела и светилась каким-то необычным, внутренним светом. Она полюбила мать, простив ей все обиды, за то, что та подарила ей этот Город, где ярко вспыхнула и закружила в чарующем вихре, такая прекрасная и волнующая, первая любовь.

Ольга была настолько загружена работой, что всё происходящее проходило мимо её со-

знания. Хватало с головой проблем, что время от времени сотрясают любой бизнес.

...Наступила пора сдачи вступительных экзаменов. Три из них, в форме ЕГЭ, Вика сдала особо не напрягаясь. А вот специальный, по профилю будущей профессии – с треском провалила. Вернее, её «провалили». А делов-то было – составить компанию на пикничок председателю приёмной комиссии, положившему глаз на хорошенькую провинциалку. Ну, Вика ему и выдала всё, что думала по этому поводу, украсив речь сочными эпитетами в адрес «старого козла», как она назвала уважаемого пятидесятилетнего доцента. Жаль, что говорили-то они так, походя, с глазу на глаз и без лишних ушей. Так что, когда Ольга, узнав подробности и подоплёку дела, попробовала вмешаться – крыть ей особо было нечем. Разговор к делу не пришьёшь, а экзамен-собеседование имеет столько нюансов – это не точные науки или конкретные вопросы в тестах. Завязок у Ольги в этом институте не было и, посоветовавшись, решили сберечь собственное время и нервы, отложив учёбу на год.

Мать устроила Вику в швейный цех своей фирмы, где тихая и скромная девушка, поначалу встреченная настороженно, вскоре всем пришлась по душе. А хорошие навыки швеи,

полученные ею от бабушки, и умение владеть, почти мастерски, швейной машинкой, заслуженно добавили и соответствующего уважения.

Девушка с интересом занялась новым делом, буквально слёту осваивая профессию. Провал с учёбой понемногу отступил на задний план. Захватила интересная работа и возможность видеть ежедневно любимого человека. О чём ещё можно было мечтать? Перед ней лежал весь мир...

...Однажды, почувствовав в себе кое-какие перемены, Вика проверилась. Тест на беременность показал положительный результат...

Состоялся разговор с Димой. Тот сразу взял «быка за рога»:

«Поженемся, Вика и будем жить вместе. Тебе сейчас надо взять справку в поликлинике для ЗАГСа, ты же ещё несовершеннолетняя, и подадим заявление. Правда, надо ещё разрешение от родителей в ЗАГС, но мы скажем, что отца нет, а мать сейчас в отъезде, но позже разрешение будет».

«А почему маме сразу не сказать?» – недоумённо спросила Вика.

«Да ты что!» – аж похолодел от такого предложения Дима, – «Пока молчим! Тут надо помозговать будет, как ей это всё преподнести».

Ну, это я беру на себя. А ты – молчок! Договорились?»

«Да почему?» – опять спросила Вика.

«Причин много. Мать может сказать, что тебе, во-первых: ещё рано; что у тебя ещё учёба предстоит впереди; что это может отразиться на моей работе... Да мало ли чего! Здесь могут быть и аргументы прочного становления на ноги и жилья... В общем, я сам постараюсь всё решить, а потом уж и объявим! А пока, как говорил Бендер – «полная тайна организации!» Договорились?»

«Хорошо», – согласно кивнула Вика, – «Я доверяю тебе во всём!»

Если бы она знала о главном вопросе, какой Диме предстояло решить!

...И вот, наконец, состоялся их совместный разговор с матерью; затем вихрь предсвадебной суматохи; свадьба и начало новой, семейной жизни.

...Вика всё больше и больше проникалась чувством любви к матери. Она была счастлива, что и бабушка с дедом, приехавшие на свадьбу, а потом целую неделю прожившие вместе с ними, окончательно простили дочь, видя её отношение к Вике.

Всё, потихоньку, вошло в спокойное русло, но вскоре Вика стала замечать проявление каких-то странностей. Нет, мать была всё так же ласкова, заботлива и предупредительна, но вот Дима... Он стал как-то меньше уделять ей внимания как женщине, ссылаясь то на усталость, то на занятость, то на плохое самочувствие... Стал рассеян, появились какие-то недомолвки, непонятные отлучки «по делам» во время рабочего дня, когда она не могла его найти на рабочем месте и никто не знал, где он, и матери, как назло, не было в этот момент на работе...

Вика чувствовала, что происходит что-то неладное. Попробовала поговорить на эту тему с матерью, но та отмахнулась:

«Не забивай ты себе голову всякой ерундой! Ну, устаёт парень временами. Заказов, сама знаешь, сколько наваливается иногда! Ну, беру я его с собой на кое-какие деловые встречи – так руководителя будущего готовлю! Не всё же моему зятю в модельерах сидеть! Вот и выматывается! А ты – фантазируешь! Успокойся и живи не напрягаясь!»

Видимо, мать поговорила с зятем, и Дима снова стал нежным, внимательным и любящим мужем. Вика успокоилась, но, постепенно, всё опять вернулось на круги своя. И тут её впервые посетили сомнения.

«Неужели у Димки кто-то появился «на стороне»? – думала она, – «Как бы это проверить?»

Спросить у Димы в лоб она не могла – характера не хватало; мать от этого разговора отмахивалась, называя «очередной глупостью и фантазией», а собственного книжно-киношного опыта не хватало для того, чтобы всё проверить и разузнать самой. Да и где и у кого узнавать? Не на работе же позориться!

Идею, как всё узнать, преподнесло телевидение. Посмотрев как-то несколько документальных передач о работе детективного агентства «Свадебные истории», специализирующегося на супружеских изменах, Вика приняла решение обратиться туда, чтобы поставить точку в своих сомнениях.

...И вот – сегодняшний день...

День, ставший для неё катастрофой, крушением всех надежд и будущего... Она ожидала чего угодно, была готова внутренне ко всему... Но то, что произошло, не укладывалось ни в какие рамки и понятия. На повестку дня встал извечный вопрос: «Что делать?»...

...Открыв холодильник, Вика достала бутылку любимого коньяка матери. Непривычную к алкоголю (тем более, во время беременности, ни-ни!), её повело с двух рюмок. Но

нервное напряжение чуть спало, и Вика смогла сконцентрировать скачущие мысли в определённом направлении.

Выход был один – уехать. Причём немедленно. Бросить всё и уехать к единственным, по-настоящему любящим её людям: бабушке и деду.

«Они поймут», – думала Вика, – «Поймут и не бросят. Не предадут. А ребёнок вырастет и без отца. Выросла же я без отца и матери! А у него будут: и мама, и бабушка с дедушкой! Проживём!» – бодро сказала она себе и с горечью подумала о муже – «Димочка-то, каков тихушник оказался! А мать? Да какая она мне, к чертям собачьим, мать! Не была никогда матерью и стать не смогла! Ненавижу! Обоих ненавижу!»

Вику снова заколотил нервный озноб и она, расплёскивая дрожащей рукой коньяк, налила сразу половину стакана вместо рюмки. Выпила махом, как воду, большими глотками. Отломив кусочек шоколада, бросила в рот. Посидела немного, нервы успокоились, дрожь ушла. Снова вернулась способность спокойно рассуждать.

«Назад, так назад!» – констатировала она принятое решение – «Звонить и сообщать не

буду, а то начнутся разговоры – уговоры... Зачем лишний раз трепать нервы старикам? Ещё и сюда приедут разбираться! А это мне нужно? И кому это вообще нужно!? Просто приеду и всё объясню. Они поймут».

Вика, покачиваясь, встала и пошла в свою комнату собирать чемодан. Вещи, купленные матерью, она твёрдо решила не брать.

«Наживу своё! Нам подачек с барского стола не надо!» – тихо бормотала она, укладывая чемодан – «Бельё снять надо. Высохло, наверное, уже. Да если и не высохло – в пакет брошу!»

Вика вышла на лоджию и стала снимать с верёвки свои вещи. Как назло, они висели на самой крайней. Она еле дотягивалась до неё, просто хватаясь за очередной предмет туалета и срывая его вместе с прищепками. На самом конце верёвки оставался одиноко болтаться её простенький лифчик. Она никак не могла дотянуться до него, а оставлять что-то своё в этой квартире она не желала. Особенно такую интимную вещь. И тогда Вика придвинула к ограждению лоджии столик, взобралась на него и, встав на четвереньки, ухватило рукой за лифчик...

ДИМА

«Ну, влетел, так влетел! Ведь чувствовал – добром не кончится! И Ольге говорил сколько раз, а та лишь смешочками отделывалась! Что же теперь будет?» – уныло думал Дима. Да и было от чего приуныть.

С самого начала, как начались отношения с Викой, он был как канатоходец без страховки, болтаясь в подвешенном состоянии между Ольгой и Викторией. И если для них после свадьбы всё казалось налаженным и стабильным, то для него это была не жизнь, а бег с препятствиями по пересечённой местности. Он вымотался. Нервы стали ни к чёрту...

...Выскочив из подъезда после панического бегства с места событий, он быстрым шагом пересёк двор и плюхнулся на лавочку у дома, стоящего напротив его нынешнего жилища. Глядя вверх, на окна своей квартиры, где только что произошёл весь сегодняшний кошмар, Дима тоскливо трепал в голове единственную мысль: «Что же теперь будет?»

Вопрос: «Что делать?» перед ним не стоял. По своей слабохарактерности он всегда обходил этот вопрос стороной, давая возможность искать на него ответ другим... Больше всего его пугало, что будет с ним. На кону стояли: и семья, и работа...

...Дима, сколько помнит себя, всегда рисовал. В своих рисунках особое внимание он уделял одежде персонажей и «облачал» их поистине в фантастические одеяния. «Переодеванию» он подвергал даже снимки людей в журналах и на иллюстрациях в книгах. Особенно ему нравились журналы мод, где его фантазия по изменению конструкций и отдельных элементов одежды просто не знала предела. Родители, заметив способности мальчика, отдали его в художественную школу. Закономерным стало окончание художественного училища, где Дима получил диплом художника-дизайнера одежды. (Не путать с модельером!) Потом была служба в армии, где он оттрубил своё художником при клубе части.

Выйдя на «гражданку», Дима долго не мог подыскать работу по специальности, перебиваясь в качестве художника-оформителя на разовых заказах.

В этом качестве он и попал в фирму Ольги Юрьевны – оформлять внутренние помещения. Вот здесь-то и проявилась в полную силу его фантазия.

Ознакомившись с его эскизами, Ольга ахнула про себя: «Да это же талант! Использовать

его в качестве оформителя всё равно, что мыть полы в платье от Версаче!»

Диму пригласили к ней на собеседование, в результате которого он получил постоянную работу и занялся тем, что по-настоящему любил. Постепенно его позиции упрочились, и он всё чаще стал привлекаться для различных консультаций и презентаций.

После одной из таких презентаций у них с Ольгой и закрутился роман. Они и относились к нему, просто, как к приключению, окутанному ореолом тайны.

Это он думал так. У Ольги на этот счёт, оказывается, была своя точка зрения. Но Дима никогда не грузил себя рассуждениями на эту тему. Он считал – им вдвоём хорошо, и ладно, а что дальше и как дальше будет, он и не задумывался. Локомотивом в их отношениях была Ольга.

А потом в его жизни появилась Вика, и мир перевернулся. Он понял, что встретил ту, единственную. Их отношения развивались стремительно, несмотря на строгое воспитание Вики и нерешительный характер Димы. Просто они полюбили друг друга. По-настоящему. А настоящая любовь никогда не живёт по каким-либо установленным законам и правилам. У неё свои неписанные законы и своя логика. Ло-

гика взаимного притяжения, силу которого преодолеть, порой бывает невозможно.

«Только пока не говори ничего матери про нас», – просил Дима, – «Неизвестно, как отреагирует Ольга Юрьевна – тебе всего семнадцать, да и я у неё наёмный работник. Может получиться скандал. Вот поступишь в институт, уйдёшь в общежитие, да и я постараюсь подыскать себе другую работу – вот тогда можно будет и не скрывать наших отношений!»

Вика с ним полностью согласилась. Скандал с матерью не входил в её планы. Вот, действительно, поступит учиться, уйдёт в общежитие – тогда она сама себе хозяйка. А пока... Да и, сказать откровенно, она побаивалась энергичной матери.

«Ещё и правда Димку с работы попрёт! С неё станется!» – думала Вика. В общем, всё отложили на «потом». Но, как это обычно и бывает: человек строит планы, а жизнь вносит свои коррективы. И коррективы эти были внесены неожиданной беременностью Вики.

Дима вспомнил их тогдашний разговор. В нём тогда бушевали два чувства: радости и страха. Радости – за них с Викой и страх перед Ольгой – опять за них же, за их будущее.

Объяснение с Ольгой он, волей – неволей, вынужден был взять на себя.

До сих пор, до мельчайших деталей, помнит он, как вошёл в кабинет Ольги, как на заклание, но с твёрдым намерением отстаивать их с Викой любовь. Помнит непродолжительный, но тяжёлый разговор и как мотался потом до вечера из угла в угол по своему кабинету, ожидая вечернего приговора от Ольги.

Вечером, в домашней обстановке, они с Викторией слышали от неё вердикт. Признаться, Дима был ошеломлён. Он ожидал всего, но такого благородства и широты души со стороны Ольги, он и в мечтах представить себе не мог.

Ольга махом решила все их проблемы. Мучившие Диму вопросы отпали сами собой. Со стороны Ольги не было ни намёков, ни полунамёков на их прошлые отношения. И он, порою, умилялся: «Какая же она всё-таки, благородная! Другая бы баба с землёй смешала! А Ольга – просто чудо!»

Бедный парень! Как глубоко он заблуждался! Он просто не знал давно известной истины, что нет ничего страшнее, чем брошенная ради другой, женщина! И никакое родство здесь в расчёт не принимается!

...Поначалу всё шло отлично. Но потом состоялся серьёзный разговор с Ольгой. Дима понял – он попал. Попал конкретно. Ольгина хватка была мягкой, но душающей и вырваться

из неё без потерь не представлялось возможным.

Вырвавшись из цепких Ольгиных рук, он терял всё: и Вику, и будущего ребёнка, и перспективную работу. Будь у него характер покрепче, да воля посильнее, но...

И Дима махнул на всё рукой: «Будь, что будет! Куда кривая выведет – туда и выведет!»

Он не терял надежды на то, что со временем страсти у Ольги поутихнут и она оставит его в покое. Да и появление ребёнка могло бы как-то повлиять на состоявшуюся бабушку. В общем, нужно было набраться терпения и ждать. И он, как жертвенный бычок, пошёл на поводу у этой непростой жизненной ситуации...

...И вот, сегодня всё вылезло наружу... Чем это всё закончится и как – он даже не представлял. Объяснения с Викторией пугали, поэтому-то он втихаря и удрал из дома. Он бы не смог её ничего сказать или объяснить. Просто смотреть в глаза не смог бы...

Он видел, как из подъезда вышла Ольга и села в свою машину. Вскочил, хотел, было, убежать, остановить, но затем подумал: «Не надо. Ей не до меня. Вернее – до меня и всех нас, но я сейчас помешаю, буду не к месту. Она

и сама что-нибудь придумает. Найдёт выход, такой, что устроит всех. Ольга – это голова! Подождём до вечера!»

Дима снова опустился на лавку и погрузился в свои невесёлые мысли, время от времени поглядывая на окна их квартиры.

Наконец он принял решение: «Поеду на работу! Может Ольга уже придумала что-нибудь! Так торчать больше нельзя. Поеду!»

Дима решительно поднялся с лавки, глянул прощальным взглядом вверх и увидел, как вышедшая на лоджию Вика, срывает с верёвки бельё.

«Надо срочно звонить Ольге!» – подумал он, – Как бы Вика чего не напоролась сторяча! Вон как бельё рвёт!»

А когда он увидел Вику, взгромоздившуюся на приставной столик, которая потянулась к чему-то, висевшему с самого края и стала дёргать это на себя, он похолодел от ужаса и закричал.

«Слезь! – вопил он, – «Свалишься!!!»

Понимая, что она его не услышит, он бросился бежать к своему подъезду...

«АГЕНТСТВО «СВАДЕБНЫЕ ИСТОРИИ» – 2 (оперативная машина)

Оперативники наблюдали за Викой, оставшейся в одиночестве. Они уже не раз сталкивались с тем, что за клиентами и фигурантами после проведения очередной операции необходимо было понаблюдать определённое время. Просто подождать, пока люди придут в себя после пережитого стресса и не натворят ничего. Пока в их практике экстраординарных последствий не случалось. Хотя бывали случаи, когда и посуда вся была перебита, и морды начищены, но всё это без какого-либо экстрима или уголовщины.

Если бы что-то стало выходить за рамки – в их задачу входило не допустить ЧП. Главным фактором здесь становилось время. Важно было – успеть остановить человека, помешать ему совершить те или иные действия. В крайнем случае – вовремя вызвать «скорую» или милицию, а при необходимости и обе эти службы одновременно.

Закрытая изнутри, даже на засов или цепочку, дверь препятствием не являлась. У них имелся необходимый набор инструментов. Аптечка тоже была хорошо укомплектована. В общем, нужно было просто смотреть за пове-

дением людей и не проворонить острой ситуации.

Когда Вика начала собирать чемодан, Виталий сказал напарнику:

«По-моему, собирается куда-то. Надо отзвониться Алексею: будем вести её дальше или нет».

«Хорошо», – коротко ответил тот, набирая номер.

«Лёша, у нас кое-какие изменения», – сказал он собеседнику по телефону, – «Да нет. В этом плане всё в норме. Собирает чемодан. Что делаем?»

Выслушав ответ, продолжил: «Хорошо. Поняли. Подъезжай. Если выйдет раньше – садимся на «хвост». Свяжемся. Позвонишь матери? Понял. Нет, мужа пока рядом с подъездом не видели. Всё понял. Ждём!»

«Как обычно, по схеме?» – спросил Виталий.

«Да», – коротко ответил напарник, – «Работаем дальше. Слушай, а куда это она делась?»

Виталий глянул на экраны. Вики не было.

«Может, в ванную зачем-нибудь пошла?» – предположил он. – «Да нет. Я бы увидел – в прихожей же тоже камера висит...»

«Остаётся лоджия», – констатировал напарник.

Виталий вылез из микроавтобуса, отошёл назад и посмотрел вверх.

«Бельё на лоджии снимает», – сказал он выглянувшему напарнику, – «Серьёзно собирается девочка!»

Виталий вернулся в салон. Закурил.

«Давай, по кофейку, что ли. Взбодримся малость», – напарник протянул Виталию чашку с дымящимся кофе, налитым из термоса...

СЕКУНДЫ...

Дима

...Пробегая мимо въездной арки во двор, Дима запнулся и упал прямо поперёк проезжей части. Хотел быстро вскочить, но тут, что-то огромное и ревящее обрушилось на него сверху. Наступила темнота. Затем тишина и покой... Вечный, как бесконечность...

...Влетевший под арку на джипе, пьяный в дым водитель, удиравший от севших на «хвост» гаишников, даже не понял, что произошло. Он просто проутюжил Диму и, врезавшись в фонарный столб, выключился от удара. Въехавший следом патруль ДПС, моментально оценив ситуацию, вызвал «скорую»...

Вика

... «Долбанный лифчик!» – Вика разозлилась не на шутку и не соображала, что пытается сдёрнуть его с верёвки, ухватив сразу за обе бретельки. Оставив бесплодные попытки, слезла, передвинула столик и опять забралась на него.

«Ничего своего не оставляю! Ни ниточки! Не было меня здесь! Всем всё приснилось!»

И она, почти улёгшись на борт лоджии и бельевые верёвки, потянулась к злосчастному лифчику.

Разболтанная ножка столика, не выдержав последнего перемещения и рывков, подвернулась...

Вика, потеряв опору и ухватившись за лифчик, как за последнюю соломинку, камнем полетела вниз...

Оперативники

...Допить кофе в спокойной обстановке они не успели. Какой-то грохот заставил их выскочить из микроавтобуса.

Первое, что увидел Виталий – это смятую крышу стоящей у подъезда машины. Затем он быстро глянул вверх, снова вниз и только тихо прошептал: «...твою мать!»

ОЛЬГА – 2

...Ольга уже мысленно набросала предстоящий разговор, просчитав все аргументы и контраргументы. Оставалось ещё раз пройтись по всей линии поведения, постараться учесть все нюансы. Отступать и отдавать Диму она не собиралась. Только сейчас она смогла глубоко всё осознать и признаться себе самой, что безумно любит этого мальчика. Любит той, последней любовью, когда каждый миг счастья кажется вечностью. Когда осознаёшь, что этот, налетевший внезапно, ураган – последний. Исчезнет он и исчезнет всё. Жизнь потеряет смысл...

И такая любовь опьяняет женщину, с головой затягивая в свой бездонный водоворот. Делает её глухой и слепой ко всему окружающему, что не имеет отношения к предмету её страсти. И Боже упаси появиться каким-либо преградам на пути этого урагана! Сметёт! Развеет в пыль!

...Звонок мобильного отвлек Ольгу от размышлений. Глянув с раздражением на дисплей и увидев незнакомый номер, она хотела отключить телефон, но, повинуясь какому-то импульсу, ответила: «Слушаю вас!»

Звонил Алексей. Ещё раз извинившись перед Ольгой, он сказал ей о сборах Вики и попросил подъехать домой.

«Хорошо», – коротко ответила она.

Договорились встретиться во дворе, у подъезда. Ольга быстро привела себя в порядок и поспешила на автостоянку.

...Перед въездной аркой во двор, пришлось притормозить и пропустить две, выехавших одна за другой, машины «Скорой помощи».

Ольгу обдало холодком предчувствия чего-то нехорошего. Первое, что она увидела, въехав во двор, были: разбитый джип и машина ДПС.

«Авария», – облегчённо вздохнула она – «Но почему «скорых» две?»

И тут, подъехав к подъезду, она увидела: и машину с помятой крышей, и людей в милицейской форме, и Алексея со своими сотрудниками. И Ольга поняла – случилось что-то непоправимое...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА...

...Всё рухнуло в одночасье... Вся жизнь, собираемая по крупицам, разлетелась на мелкие осколки... Прежней Ольги больше не существовало. Вместо неё влачила серые, тусклые будни монотонного бытия седая, измождённая женщина.

Удары, последовавшие один за другим, превратили её чуть ли не в старуху.

Раскаяние пришло слишком поздно...

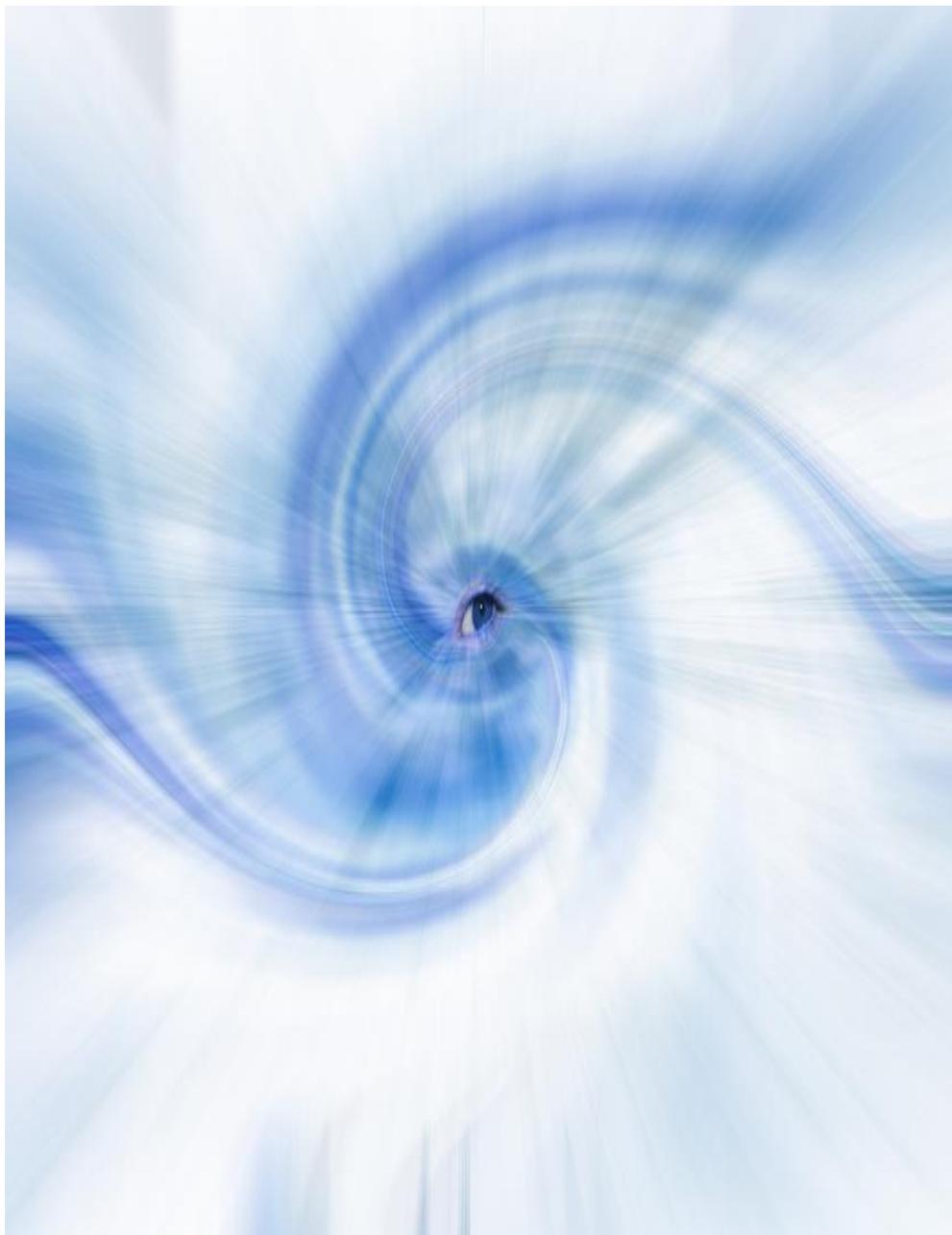
...Бабушка умерла сразу. От обширного инфаркта. Дед сгорел за неделю после её похорон и ушёл следом за своей верной спутницей...

...Мать Димы попала в психиатрическую клинику без всякой надежды на возврат к нормальному состоянию, а отец, пережив тяжёлый инсульт, тихо отошёл в мир иной в Доме инвалидов...

Так Любовь – самое великое и прекрасное чувство на свете – превратилась для Ольги в Ненависть. Отныне ей предстояло нести этот Крест до конца своих дней.

Крест Ненависти.

Ненависти к себе самой...

ЧАСТЬ 3

Этот случай, вроде бы обыденный, на общем фоне всего, что творится вокруг, получив известность, взбудоражил многих. Мнения разделились на диаметрально противоположные. Одни были: «за», другие – безапелляционно «против». Причём, оба мнения не зависели: ни от пола, ни от возраста, ни от социального положения людей. Полутонов не наблюдалось. Только «белое» и «чёрное». Да их и не могло быть по определению. Хотя я сам до сих пор так и не определился с тем, чья позиция была бы для меня предпочтительней. Я, видимо, вошёл в небольшое число людей, сумевших сохранить нейтралитет при всей видимой невозможности такового.

Почему я говорю: «...видимой невозможности», да потому, что собственные чаши весов

оценки произошедшего качались, как маятник, без остановки...

Я часто задавал себе вопрос: «За что я ратую?» – и сам себе отвечал – «Как законопослушный гражданин – за торжество Закона».

Но тут же во мне восставал не обделённый эмоциями человек и задавал вопрос: «А о людском Законе, Законе справедливости, ты забыл?»

Поэтому, не берусь судить: ни первых, ни вторых, ни третьих. Тем более – персонажей этого непростого дела. Но я всегда знал, помню и буду помнить, что кроме Закона в общепринятом понятии существуют ещё чисто человеческие Законы совести и справедливости. Поступая по этим Законам, человек отдаёт себя на суд людей и Всевышнего. Он считает, что только благодаря им может добиться справедливости, и Бог ему в этом – Судья.

...Чрезвычайно трудно находиться в данной ситуации на чьей-то стороне. Важнее другое – прочувствовать всё и хотя бы постараться понять...

ТАНЕЦ АМАЗОНКИ

ЛЕТО, АХ, ЛЕТО...

Это лето для студентки 1-го курса института физкультуры и спорта Алии Нуржановой (для всех просто Лии), приготовило много сюрпризов.

Во-первых: на «отлично» сдана летняя сессия; во-вторых: 1-е место в республиканском чемпионате и долгожданное звание Мастера спорта; и, наконец, в-третьих: её однокурсница Саша, с которой они вместе занимались в хореографической студии института, помогла ей получить постоянную подработку в баре, где сама подрабатывала уже второй год.

«Лето, ах, лето! Лето звонкое, громче пой!» – напевала про себя окрылённая Лия. Она припомнила вдруг одного крымчанина, попутчика в поезде. Он тогда шутливо сказал: «Жизнь складывается из одних переживаний: зимой надо пережить холода; весной и осенью – грязь и дожди; летом – жару».

Лия рассмеялась, соглашаясь с ним, а сейчас продолжила от себя его высказывание: «Летом надо переживать не только жару, но и радости, что оно приносит!»

...Бар, где подрабатывала на подтанцовках Саша, был солидным как сам по себе, так и по клиентуре. Попастъ туда на работу (да и в качестве посетителя) просто так, с улицы, было невозможно. Только по рекомендации. Одна из танцовщиц вышла замуж и уволилась, а на её место Саша удачно пристроила Лию.

Маленькая восточная красавица с тонкими чертами лица и точёной, сбитой фигуркой спортсменки пришлась руководству по вкусу. А после просмотра её на сцене, вопрос с работой был решён положительно. В работе девушек, в общем-то, ничего архисложного не было: они участвовали в подтанцовках у вокалистов и исполняли несколько хореографических мини-тюр. Правда, их руководитель, Светлана, выступала и с сольными номерами. Все танцы были красивы, как по костюмам и декорациям, так и по мастерству исполнения. Никаких шестов, обнажёнки и даже полуобнажёнки не было. Для таких танцев существовали другие места.

Порепетировав немного, Лия органично вписалась в коллектив. Предварительно она съездила на несколько дней домой повидаться с родными и поделиться своими успехами. Вернувшись, приступила к работе. По настоянию Саши, Лия переехала из общежития к ней,

на съёмную квартиру. Выпедшая замуж девушка из их коллектива съехала к мужу, и её бывшая комната временно пустовала. Вот Саша и подсуетилась, пока хозяева не подселили кого-нибудь «левого», а одной тянуть целую квартиру ей было накладно. Лия же, имея теперь стабильную подработку, а не разовые заработки в «Макдоналдсе» или пиццерии, могла позволить себе и съёмное жильё. Тем более что в общежитии им было не совсем удобно – работа заканчивалась поздно. Да и само общежитие было далековато – в студгородке, а квартира почти рядом с местом работы. Кроме всех этих плюсов, был ещё один, очень существенный. Оставаясь теперь на лето в городе, Лия могла регулярно посещать и тренировки в своём спортобществе.

В общем, всё складывалось прекрасно. Васильковое лето набирало обороты. У девушек появились и ухажёры – ребята из Лииноного спортобщества. В основном они встречались днём, так как вечера у девушек были заняты, а это не привносило романтики в их отношения. Они просто оставались хорошей, весёлой компанией друзей. Прогулки по паркам, походы в кино, ленивое времяпрепровождение на пляже, тренировки – вот так, беззаботно и незаметно, «васильковое лето промчалось...»

ОСЕННИЙ ЛИСТ, ТАКОЙ НАРЯДНЫЙ...

Осенняя пора... Золото листьев под ногами и прозрачно-хрустальная голубизна неба, лёгкое подёргивание тонкой корочкой льда лужиц по утрам – пора прощания с летом, пора грусти...

Но, вот уже гудит, как растревоженный улей, институт. Смех, приветственные возгласы... Все спешат поделиться впечатлениями лета друг с другом...

...Постепенно Лия вошла в привычный ритм: учёба, студия танца, тренировки. Но теперь у неё добавилась и постоянная работа. Поначалу было трудновато, как это обычно и бывает, но всё вошло в колею и стало привычным образом жизни студентки.

Не было только одного: романтических отношений. И хотя Лия, как на курсе, так и в своём спортобществе не была лишена мужского внимания, да и на работе случались моменты, когда клиенты искали подход: то цветы, то приглашение где-нибудь «посидеть» – сама она дальше обычного знакомства и товарищеских отношений не шла.

Неприступной она себя не считала, нос не задирала и не воротила в сторону, но менталитет восточной женщины обязывал её ко мно-

тому в нравственном плане. И, хотя на нынешнем этапе современности среди молодёжи (да и не только) царили нравы свободных отношений полов, а в студенческой среде, особенно – Лии это было чуждо. Этого она не признавала и категорически отвергала любые поползновения со стороны парней, если они переходили определённые ею границы и рамки поведения. Пьяниц и наркош она органически не переносила, а таких в студенческой среде тоже хватало. Её жизненный принцип был прост: всю себя – только мужу и семье, а замуж – только по любви.

...Ближе к зиме Светлана предложила Лии подумать над сольным номером. Причиной такого предложения стал разговор, над которым они потом долго смеялись.

«Н-да...», – начала как-то в гримёрке Светлана, – «интересно, а какое бы звание было у меня если бы я пошла в спорт?»

На неё вопросительно уставились коллеги по цеху. После небольшой паузы Лия полувопросительно сказала:

«Смотря в каком виде спорта. Для тебя, по моему, предпочтительнее художественная гимнастика. Там бы успех тебе был обеспечен. Или ты чем-то другим занималась?»

«Да какая к свиньям собачьим «художественная гимнастика»? – вдруг взорвалась Света, – «Я про танцы спортивные говорю! Вот ты, Лийка, Мастер спорта. А я тогда кем могу быть, если сравнивать твоё мастерство и моё? Чемпионкой Европы? А то заладила: «гимнастика, гимнастика...» Нашла, блин, Дерюгину! Может, ещё «гуттаперчевой женщиной» стать посоветуешь?»

Лия молчала, хлопая своими чёрными, агатовыми глазками. Наконец, широко открыв рот, расхохоталась.

«И чего я смешного сказала!?» – взбеленилась вконец Света.

«Да я же Мастер спорта по стрельбе из лука!» – сквозь смех выдавила Лия, – «А танцы – просто увлечение! Любительский уровень!»

«Из какого лука?» – опешила Света.

«Ну не из репчатого, конечно! Из обыкновенного спортивного лука!»

«Дела...», – протянула Света, – «А я-то, дура...»

И тут они обе расхохотались, а вслед за ними и остальные, уяснив ошибку Светы.

А чуть позже состоялся разговор о сольном номере.

«Слушай», – говорила Света, – «давай родим какой-нибудь нестандартный сюжет, а хореографию я сделаю!»

На том и порешили. Но с сюжетом была напряжёнка. Дальше знаменитых Вильгельма Теля и Робин Гуда, дело не шло.

«Нет. Из этого танец не сделаешь», – вздыхала с сожалением Света – «Вернее, сделать можно, но это уже будет не номер, а целая балетная постановка!»

Девушки из группы тоже включились с предложениями. Рассматривались различные варианты и – отметались, как нереальные. На помощь пришёл, как это и бывает, Его Величество Случай. Как-то они заболтались в гримёрке и их поторопил с выходом на сцену администратор Женья:

«Амазонки! На выход! Тормозим, клиент ждёт!»

Слово «амазонки» сыграло ключевую роль в создании номера. Сюжет был прост: амазонку преследуют варвары. Выбежав на лесную поляну, она быстро, по-снайперски, расстреливает их из лука. Затем с осторожностью осматривается, выискивая противника и, вдруг, обнаруживает ещё одного преследователя, но – в зале, среди посетителей. Луч света выхватывает «преследователя», а амазонка делает выстрел,

последней стрелой поражая «врага». И всё это действие исполняется в заданном танцевальном ритме и движениях танца.

Музыку и свет подобрали; сделали соответствующие костюмы и несложную декорацию лесной полянки; Света разработала хореографический рисунок; Лия занялась амуницией. Лук и стрелы ей изготовил знакомый мастер-наладчик из спортобщества. Размеры были уменьшены, форма изменена, но лук был настоящим и уступал спортивному лишь в дальности полёта стрелы. На концах бугафорских стрел были закреплены круглые красные насадки-присоски.

Дебют номера наметили на Новый год. И в ночь с 31-го на 1-е он, с успехом, состоялся. Надо было видеть физиономию поддатого мужичка из-за третьего столика, когда в него, в наступившей полной темноте, упёрся луч света, а во лбу закачалась на присоске метко выпущенная Лией стрела. Посетители выразили бурный восторг, а «убитому», в качестве поощрительного приза, вручили бутылку шампанского.

Номер вошёл в репертуар и исполнялся по воскресным и праздничным дням, пользуясь неизменным успехом. Иногда, по хорошо оплаченному заказу, его исполняли и в будни.

Но особо не распылялись, чтобы номер не потерял свежести восприятия.

ЗИМУШКА-ЗИМА

...А «три белых коня: Декабрь, Январь и Февраль», неслись вскачь со своей хозяйкой- Зимой в санях... В круговороте привычных дел неслась и Лия: зимняя сессия и наступившие каникулы давали возможность на передышку, но вот праздники выматывали всех.

Начавшись с католического рождества в декабре, они – по российской традиции, – пошли на убыль только после старого Нового года. Ритуал: «Гулять – так гулять!», соблюдался неукоснительно. А заведено это было только на руку. Довольны были все: и руководство, и работники, и посетители.

В один из этих суматошных дней и случилось то, что изменило жизнь Лии. Она – влюбилась. И не просто влюбилась, а полюбила сразу и бесповоротно, как способна полюбить только женщина Востока: глубоко, преданно и навсегда.

...Всё произошло неожиданно и не по сценарию номера. Намеченная заранее «жертва» из числа посетителей – высокий, стройный блондин, растерянно встал из-за столика, когда его высветил луч света в наступившей, как все-

гда внезапно, темноте в зале. В этом баре он был впервые, и друзья решили преподнести ему сюрприз, договорившись, чтобы «жертвой» наметили его. Весёлой и денежной компании пошли навстречу.

...И вот, он стоит, ничего не понимая и растерянно улыбаясь. И вдруг, ему в грудь ударила стрела и закачалась на присоске, ярко-красный цвет которой создавал впечатление раны на груди. Особенно впечатлял фон – белая, облегающая рубашка на парне. Его реакция на произошедшее была поразительна. Парень не растерялся и подыграл, по своему продолжив небольшой спектакль: посмотрел на стрелу, затем, с трагическим выражением на лице, протянул руки в сторону стрелявшей и, сделав в её направлении пару неуверенных шагов, упал...

Дали свет. Посетители вопили от восторга, приветствуя парня за находчивость. А он встал и направился к сцене, прихватив по дороге букет цветов с чьего-то столика. Поднявшись на сцену, он припал на одно колено и протянул букет Лии. Затем подал ей стрелу и сказал: «Прекрасная амазонка! Этой стрелой вы поразили моё сердце, и отныне оно принадлежит вам!» После этого он встал, привлёк к себе рас-

терявшуюся девушку и под бурные восторги зала поцеловал.

Лия была сражена. Наповал. С этого момента её жизнь превратилась в праздник. Праздник Любви.

БЕГУТ ВЕСЕННИЕ РУЧЬИ...

Отношения молодых людей развивались стремительно, как несущаяся тройка белых коней из песни. На этой чудо-тройке они и влетели в яркое мартовское солнце, первые проталинки, ручейки – в весеннее тепло.

...Поначалу Владом была предпринята попытка перейти к более близким и тесным отношениям (в его понимании). Но, получив мягкий по форме, но твёрдый по содержанию, отказ – понял, что девушка ему попала «не из тех». Он удивился, а потом даже обрадовался и гордился тем, что Лия не является «одной из многих», а по-своему права в вопросах чести.

Но очень трудно держать на привязи, да ещё и по отдельности, такие факторы, как «весна», «молодость» и «любовь». Рано или поздно они срываются с этой привязи, объединившись, детонируют, и происходит взрыв...

И какие бы принципы не исповедовала Лия, но когда от любви хочется орать во весь

голос, смеяться и плакать одновременно и, вообще, безумствовать – жизнь берёт своё. Трудно устоять, когда кровь бурлит и всё твоё существо тянется к любимому человеку. Когда хочется проникнуть в него всеми клетками своего тела – слиться воедино... Так в один из вечеров для Лии наступил новый период жизни. Рождение новых ощущений и взаимоотношений вело к переосмыслению ею всего, чем она жила раньше. В одночасье, как это бывает с женщинами Востока, она стала взрослой.

Влад по достоинству оценил поступок Лии и, превратившись в самую нежность и внимание, засыпал её цветами на каждом свидании.

К сожалению, им приходилось видеться всё реже и реже – у обоих наступала горячая пора. Влад готовился к защите диплома, Лия – к летней сессии и очередным соревнованиям, да плюс работа... На личную жизнь времени почти не оставалось.

«Ничего», – думала Лия, – «подождём, пока закончится эта перегрузка. Вот, Влад защитится, а я отстреляюсь, в прямом смысле слова и на чемпионате, и на сессии, тогда всё время будет наше! Какое чудесное лето ждёт нас впереди!»

Как они проведут лето, Лия не думала. Они не строили никаких совместных планов ни на ближайшее, а тем более отдалённое будущее.

Родители обоих тоже были пока не в курсе их взаимоотношений. Да и окружающим они их особо не афишировали. Лия не хотела никакой публичности. Менталитет... Каждый из них жил как бы в двух измерениях: одно – для всех окружающих, другое существовало только лично для них. Пускать туда кого-то Лия не хотела.

Но всё же, мысли об их возможном будущем, время от времени посещали девушку. Как-то она попробовала слегка прозондировать почву.

«Ну, и каковы дальнейшие планы по завоеванию мира после вашей защиты, сэр?» – вроде в шутку спросила она.

«Да готовят предки базу для поездки в дальние страны», – ответил Влад, – «Правда, всё это пока вилами по воде писано...».

В его голосе звучали нотки досады. Да и было отчего. Влад обучался на внешнеэкономическом факультете престижного вуза, причём, успешно. Но даже это не давало ему никаких гарантий удачного трудоустройства – у него не было, как говорят, «мохнатой лапы». Родители его, конечно, крутили хорошими деньгами, что позволило ему поступить в этот институт, но связей особо значимых у них не было. А сейчас, когда подошло время диплома, и

встал вопрос о дальнейшей судьбе сына, они с космической скоростью взялись за наведение нужных «мостов».

«А как ты видишь нас?» – поинтересовалась Лия.

«Да пока всё просто, девочка», – уверенно ответил Влад, – «Тебе нужно закончить институт, достичь всего, что наметила в спортивной карьере, а я к тому времени уже базу какую-никакую сколочу. Вот тогда можно и о более серьёзном подумать. А пока...» – он чуть помедлил и быстро завершил – «...у нас всё славно и будущее улыбается нам из своего «прекрасного далёка»!

«Значит, ещё минимум три года...» – вздохнула Лия.

«Зато на финише – всё!» – бодро сказал Влад, – «а сейчас у меня, как говорят, ни кола, ни двора... Ты – студентка... Перспектива не из весёлых. Так что, перефразируя Ильича, нужно: «Ждать, ждать и ещё раз – ждать!»

На этой оптимистической ноте он и завершил разговор. Затем привлёк девушку и нежно поцеловал её, как бы поставив точку.

Лия молчала. Люди Востока умеют терпеливо ждать. Это у них в крови...

...Накануне майских праздников Лия, невольно, услышала разговор между администра-

тором Женей и шеф-поваром. Вышедшие покурить к служебному выходу, они не обратили внимания на то, что в гримёрке танцовщиц кто-то есть. Разговор они начали раньше, и сейчас он шёл уже на завершение. Лия уже хотела как-то обозначить себя – шумнуть чем-нибудь что ли, но услышав имя «Влад», насто-рожилась и притихла. Дело уже касалось лично её и их отношений, и она пожелала узнать: в чём, собственно, дело.

«Ну, Владик преподнёс сюрприз!» – ворчал Женья, – «С одной стороны – хорошо: клиентура упакованная; с другой – сплошной геморрой с такими клиентами! Ведь если что не по ним будет – хана нашей репутации! Там же сноб на снобе сидит и жлобом погоняет! Это не семейки, а гремучая смесь жлобства и чванства!»

«Да не гони волну, Жека!» – успокаивал шеф, – «Сделаем всё по высшему классу! У меня уже есть кое-какие соображения по поводу их заказа».

Лия недоумевала. «О чём это они говорят, о каком семейном заказе?» – подумала она – «Владик ничего мне не сообщал! Сюрприз что ли хочет сделать?»

Она собралась было вмешаться в разговор но, заданный Жене вопрос шеф-повара Семё-

ныча, заставил её вновь замереть и внимательно прислушаться. А тот спросил:

«Ты лучше скажи, Жека, как они вообще надумали отмечать всё у нас? Владька-то, вроде, с Лией нашей встречается, и насколько я знаю – не просто так время проводят, а вполне серьёзные отношения у них. Он что, совсем не догоняет, во что это может вылиться?»

«Да Владька не при делах. Это мадам невеста возжелала. Наслушалась про нашу экзотику, а предки у неё на коротком поводке – куда скажет, туда и чапают по приказу ненаглядного чада! Владька, насколько я знаю, как прослышал, что всё здесь намечается – на дыбы встал. Да поздно узнал! Тут уже его будущая супружница успела всё сама раскрутить, а ему – сюрпризик накануне преподнесла. Он и отменить всё хотел: прибежал ко мне с этим вопросом. А как отменишь, если уже всё крутится? Да и предки с обеих сторон – люди серьёзные, таких «шутюк» могут не понять».

«Н-да...» – протянул шеф, – «Семейки ещё те... Союз ежа и змеи – результат: полтора метра колючей проволоки... А у этих будет – полтора метра прохода через границу, к прелестям европейской жизни... Что за семьи пошли, Жека? Сплошные контракты и сделки!»

«Брось, Семёныч! Во все времена это было, есть и будет! С одной стороны – тугой кошелек, с другой – связи, титулы и прочая. Это нам, простым смертным, разрешено просто любить и семьи создавать по любви! А у этих, что наверху, всё рассчитано и подсчитано: кому, когда и сколько! Ладно, пойдём, дел ещё невпроворот».

Женя выбросил в урну окурок, и они с Семёнычем вернулись в недра заведения, а Лия так и осталась молча сидеть в гримёрке, застыв, как маленькая статуя Будды...

...Попытки дозвониться в этот вечер до Влада успехом не увенчались. На следующее утро она отловила его в вестибюле института.

«Это правда?» – спросила она без предисловий.

«Что «правда», девочка моя?» – заюлил Влад, – «Ты вообще как здесь оказалась? Почему не на занятиях? Что-то случилось?»

«Я спрашиваю: правда ли, что у тебя есть невеста?»

«Понимаешь, девочка», – Влад, приобняв её за плечи, повёл к выходу на улицу, – «тут такое дело...»

Выйдя на крыльцо, они отошли в сторонку и Влад продолжил уже более уверенно:

«Ты же в курсе, что мне без связей – одна дорога – клерком в какой-нибудь фирме. В лучшем случае – какая-нибудь афро-азиатская тьмутаракань. А тут старики проворачивают чисто деловое соглашение, которое обеспечит мне хорошую работу в не последней европейской стране!»

«Но для этого тебе нужно жениться на девушке по имени «Связи». Я правильно понимаю?» – сыронизировала Лия.

«Ты всё верно понимаешь. Ты у меня умница!» – заметно приободрился Влад, – «И уясни, что я здесь никаким боком – это всё старики! А против них вякать начнёшь – вообще с голым задом останешься!»

«Ну, конечно! Ты, несмышлёныш, здесь ни при чём! Только вот жениться – тебе, а не твоим старикам!»

«Лия, ну успокойся ты! Давай поговорим без лишних эмоций. Ты же знаешь, как я тебя люблю! Но обстоятельства складываются не в нашу пользу! И не учитывать этого нельзя. Ну, что особенного произойдёт? Ну, женюсь. Уедем в Европу. Я пооботрюсь на месте, налажу нужные контакты, а ты пока учись спокойно. Связь мы терять не будем, ну и...»

«Что «ну и?» – перебила Лия, – «Разведёшься, что ли? А если дети будут? В этом случае у

тебя тогда не только карьера полетит, а вообще всё! Ты думал об этом?»

«Да некогда мне было думать!» – с досадой сказал Влад, – «Давай, и мы не будем сейчас углубляться в дебри! Отложим все серьёзные разговоры на другое время и другое место. Тогда всё спокойно обсудим и найдём нужное нам решение, как говорят: «Будет день – будет пицца».

«Да чего там обсуждать?» – усмехнулась Лия, – «Я девушка понятливая. С вами всё ясно, сэр! Как говорят – «бизнес есть бизнес и ничего личного», так вроде бы?»

«Вот, вот! Чистый бизнес!» – заметно повеселел и схватился за подброшенную ему соломинку Влад, – «Ничего личного! Ты права! А люблю ведь я только тебя, и у нас ещё впереди много чего может быть!»

«Ну, тогда успехов на внешнеэкономическом и семейном фронте, сэр!» – с улыбкой сказала Лия и, ловко увернувшись от объятий Влада, сбегала вниз по ступеням, помахивая на прощание рукой.

Довольный, что разговор, которого он боялся, прошёл спокойно и все объяснения были приняты, Влад вернулся в здание института.

...Она не понимала: куда идёт? Зачем идёт?.. Пришла в себя на трибунах родного

стадиона. Предательство Влада настолько оглушило её, что она не видела ничего вокруг себя – всё слилось в сплошной серый туман... Её растоптали и выбросили за ненадобностью. Потребовалась более дорогая игрушка. Это понятно. Но вот так, запросто отдать то, что принадлежало только тебе? Иметь перспективу занять место штатной любовницы, а в результате остаться ни с чем? С этим она не могла смириться.

«Как уродлив этот мир!» – с яростью думала девушка, – «Материальное благополучие определяет всё! Диктует: кого любить, с кем жить, по каким правилам жить! Как всё мерзко! А ещё более мерзко и гадко, когда по этим правилам начинает играть любимый тобой человек и предаёт тебя ради торжества этих правил!»

До позднего вечера просидела Лия на трибунах, один на один со своими мыслями. Вернувшись домой, быстро юркнула в постель, а на вопросы пришедшей с работы Саши коротко ответила, что приболела. За всю ночь она так и не сомкнула глаз, но утром, внешне, всё выглядело как всегда. И вела она себя в эти суматошные, предпраздничные дни, тоже обычно. Никто даже и предположить не мог, глядя на бесстрастно спокойную Лию, какой яростный огонь пылает у неё внутри, выжигая всё

дотла и оставляя после себя пустыню, усеянную пеплом...

...В первый праздничный вечер персонал бара слегка лихорадило: по капризной прихоти, в их, в общем-то, скромном заведении собралась сегодня отметить собственную помолвку, известная своими скандальными похождениями девица из не менее известной в городе семьи. Жениха здесь тоже знали, как денежного клиента. Его родители хоть и стояли рангом значительно ниже, чем будущая родня, но зато ворочали хорошими капиталами. Кое-кто знал жениха и в другом качестве, но таких было – единицы. Хотя слухи по поводу Влада с Лией и ходили среди работников бара, толком никто ничего не знал, и к ней подкатывали с намёками, вопросами и полувопросами. На что Лия, которая никогда не афишировала своих отношений с Владом, с улыбкой отвечала:

«Да вы что? Какая любовь? Какая связь? Ну, повёлся мальчик на экзотику. Ну, поухаживал немного. Ну, потаскал цветы. Вы хоть один раз нас вместе видели?»

Признавали, что не видели. На этом и успокоились. Тем более что сама Лия вела себя ровно, не дёргалась и никаких поводов сделать

допуск на то, происходит что-то не так – не давала.

...Для предстоящего мероприятия были сдвинуты четыре столика. Гостей ожидалось немного: будущие молодые, их родители и несколько друзей и подруг. Но зато оплатили клиенты этот мини-банкет, как весь зал, снятый целиком, не торгуясь. По этой причине персонал и стоял на ушах, а на входе был введён жесточайший контроль пропуска. Не дай Бог, в зале случится что-нибудь выходящее за рамки приличного заведения – подобная клиентура ничего без внимания и последствий не оставит. Вот и носились все по струночке, с предупредительными улыбками на лице, а контроль внутри зала был усилен за счёт нанятых на вечер крепких ребят из охранного агентства.

Администратор Женя, с несколькими официантами, находился в поле зрения гостей и улавливал пожелания с полуслова. Всё шло отлично. Гости были довольны. Началась праздничная программа, в которую были дополнительно приглашены артисты цирка на сцене с отдельными номерами. Завершал программу, традиционно, «Танец амазонки».

...Лия, «расстреляв» преследователей, обернулась к залу. Луч света выхватил из тем-

ноты заранее намеченную «жертву» – молодого, угловатого парня из-за дальнего столика, который, подслеповато щурясь и ничего не понимая, привстал и растерянно улыбался...

Лия, натянув тетиву лука, сделала вдруг полуоборот влево и выпустила стрелу в темноту... Она не целилась, но знала, что не промахнётся... И она не промахнулась...

Темноту прорезал дикий женский визг. Дали свет. И тут все, кто был в зале и на сцене, увидели, что кричит невеста из-за гостевых столиков, пытаясь столкнуть с себя навалившегося на неё спиной Влада. Из его груди, отливая красивым оперением, торчала стрела, а вокруг неё медленно расплзлось красное пятно...

...Лия стояла на сцене, не шелохнувшись. Отрешённая от всего. Она была здесь, но по сути её уже не было... Душа её устремилась вслед за душой Влада, покинувшей его тело... С этой минуты и его сердце, и его душа, будут принадлежать только ей. Отныне и навсегда!

Невозможно отнять то, что принадлежит другому...

ЭПИЛОГ

«Истории о ненависти на почве любви... Сколько их было, а сколько ещё будет! И любовью в одночасье может оказаться вольным или невольным участником печальных событий!» — думал я по дороге на съёмочную площадку. Сейчас мы много знаем о таких случаях. Благодаря свободному распространению информации, они настолько стали привычными и какими-то обыденными, что ими уже трудно пора-

зить. Всколыхнуть на некоторое время – да. Заставить повозмущаться, понегодовать, осудить – да. Но не поразить своей дикой, порою невообразимой для нормального человека, жестокостью.

А сами поступки и действия? Они бывают как хорошо продуманные, так и спонтанные.

Вторых – больше. И примеров этому предостаточно. Я припомнил только самые дикие, зацепившие меня, из всего, что прошло по телеканалам за небольшой промежуток времени:

– жена, приревновав мужа к своей лучшей (обратите внимание!) подруге, сожгла той лицо серной кислотой;

– мать избила 14-летнюю дочь кочергой (!) до состояния тяжких телесных повреждений. Причина – приревновала дочь к отчиму;

– брошенная супруга, мать двоих детей (отметим особо!), ворвавшись в квартиру соперницы, выхватила у той из рук грудного ребёнка и, выбежав на балкон, выбросила его с 9-го этажа...

Не знаю, кому как, а мне до сих пор не по себе. Всё думаю: «Ну, зачем? Ради чего?»

Задаю себе эти вопросы и не нахожу ответа.

А трезво и расчетливо спланированные, не менее дичайшие случаи мести? Их тоже немало. И их тоже муссируют по телеканалам:

– нанятая няня, став любовницей хозяина, возжелала большего. Но тот упёрся: из-за дочери от жены не уйду. Тогда женщина организовала похищение и убийство 3-летней девочки. Результат был страшным уже для неё. Отец девочки убил любовницу, как только та призналась, что это всё она задумала и осуществила только для того, чтобы ребёнок перестал быть препятствием на пути их совместного счастья...

– другая, сама мать двоих детей, убрала со своего пути соперницу с её ребёнком жесточайшим способом. Заказ был выполнен быстро, без затей, но жутко: женщине, которая по утрам отвозила сына в школу, прямо рядом с её подъездом, бросили в салон машины осколочную гранату «Ф-1»...

И таких случаев, как я уже говорил, множество. Не отстаёт от женщин в этом плане и сильный пол, как по характеру действий, так и способам. Совсем недавно я посмотрел по телевидению два таких сюжета:

– дядя, приревновав родного племянника к своей жене (!?) – взял и просто-напросто отре-

зал парню гениталии... Жизнь тому спасли, но судьба поломана напрочь...

– отчим, из чувства ревности, забил насмерть 15-летнего паренька, одноклассника падчерицы, поскольку сам имел на неё виды...

...Всё это совершается под эгидой великого чувства – любви, которая в одночасье вдруг оборачивается в ненависть, зачастую неуправляемую.

Любовь призвана созидать. Ненависть – разрушает. Всё. И у всех, кого она задевает, даже если не напрямую, а краем, походя.

И с этим ничего нельзя поделать – это чувства. Чувства, не подвластные голосу разума: умом ни любить, ни ненавидеть не получится.

Так было, так есть и, к сожалению так и будет. И, что бы мы ни говорили о необходимости подъёма планки морали в обществе, какими бы способами не осуществляли этот подъём – на чувствах любви и ненависти это никак не отразится. К сожалению. Огромному...

Я остановил машину на обочине и закурил. Надо было немного успокоиться, прежде чем ехать дальше. Подобные мысли в голове не сопутствуют внимательности на дороге. Понемногу я успокоился и продолжил поездку.

«Хорошо», – думал я, – «когда ты вовремя замечаешь течь в своей любовной лодке и быстренько выгребашь к берегу, пока лодка не пошла ко дну, затягивая за собой в водоворот и пассажиров».

Взять, к примеру, меня: оба моих неудачных брака завершились удачными разводами. Я остался в хороших, приятельских отношениях с обеими бывшими жёнами. Мы общались и в быту, и на работе. Они обе – актрисы и частенько очередной сценарий сводил нас на съёмочной площадке. Да и я, в меру своих возможностей, содействовал им в получении ролей. Как-никак не чужие!

Значит, можно же всё обойтись и без жгучей ненависти. Но это уже говорит о том, что и настоящей любви просто не было. Так что? У меня всё ещё впереди? Я содрогнулся и передёрнул плечами. Нежелательно. На любовь – согласен, на ненависть – нет. И тут меня, словно иголочкой, кольнула мысль и какой-то голосок, с ехидцей зашептал:

«Это ты, по-настоящему, не любил. А тебя? Откуда ты можешь знать, что происходит в глубине души у твоих бывших? Ты что, заглядывал туда? Может, ты просто ничего не видишь и не хочешь видеть? Тебя устраивает статус-кво?»

И я понял простую истину: очень жаль, что человеку не всегда дано увидеть и осознать, что не всё бывает так просто, как ему зачастую кажется!

Июль 2012г. – февраль 2013г.

СОДЕРЖАНИЕ

Обороты	6
Обратная сторона луны	8
ЧАСТЬ 1	
Всего один шаг...	13
ЧАСТЬ 2	
Последняя любовь	46
ЧАСТЬ 3	
Танец амазонки	91
Эпилог	117

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

С. В. Молодцов
«Всего один шаг...»

на русском языке

Редактор: А. Н. Вдовенко
Обложка: Сергей Молодцов (мл.)
Корректурa, макет, Т. В. Левченко

Формат 84x63 1/32. Заказ № 76 Бумага офисная Печать
цифровая. Усл. - печ. л. 2,5. Тираж 100 экз. Верстка, макет:
Татьяна Левченко, «Керченское городское литературное
объединение «Ли́ра Боспора»

«...порождённая настоящей любовью
и предательством, ненависть камнем
ложится на душу и становится веду-
щей силой для мести, или толчком
для развития иных тяжёлых послед-
ствий...»

